

Алиса
ЛУНИНА

Три чайные розы

Любимый роман о любви

Алиса Лунина

Три чайные розы

«Алиса Лунина»

2013

Лунина А.

Три чайные розы / А. Лунина — «Алиса Лунина»,
2013 — (Любимый роман о любви)

ISBN 978-5-699-64653-1

Они очень разные – три сестры, три красавицы. Одна из них любит без взаимности, другую любят, но она не может искренне ответить на чувство, третья мечется между двумя мужчинами. Жизнь идет, обстоятельства меняются – и вот одна сестра покинула возлюбленного, другая обрела семейное счастье, третья оказалась на распутье. Неизменным остается одно – их чаепития в старом родительском доме. Задумчивые разговоры до полуночи, пироги, чай, вишневое варенье – эти атрибуты простого русского счастья помогают им. И в горе, и в радости...

ISBN 978-5-699-64653-1

© Лунина А., 2013
© Алиса Лунина, 2013

Содержание

Часть 1. Чаепитие весеннее	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Часть 2. Чаепитие летнее	39
Глава 1	39
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алиса Лунина

Три чайные розы

©Лунина А., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моему отцу

*К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то
примешивалось что-то грустное...*

А. Чехов

Часть 1. Чаепитие весеннее

Глава 1

В солнечный полдень на берегу реки мечтала барышня...

Классическое начало истории. Но девочка давно выросла, к тому же звали ее не Алиса, да и белые кролики с розовыми глазами в здешних широтах не водятся, зато встречаются нахальные незнакомцы с серыми, которые выскакивают невесту из каких волшебных нор взрослым не-Алисам на погибель. Впрочем, обо всем по порядку.

...Конец мая в этом году в Петербурге выдался теплым. Из окон художественной галереи, где работала Полина, была видна залитая солнцем Фонтанка. Наблюдая за катерами, оставляющими пенный след, молодая женщина скучала – зелень и солнце кричали о том, что пришло настоящее лето и, стоит только выйти из душного здания, где-то «там» тебя непременно встретит счастье. Для Полины прекрасным «там» была семейная усадьба в деревне Березовке под Петербургом, где, наблюдая за неспешными облаками и слушая жужжащий хор насекомых, так легко чувствовать себя счастливой. Представив в очередной раз облака, живописные закаты, которыми можно любоваться в саду с бокалом вина в руках (в летний вечер только белое!), Полина не выдержала, взяла отпуск «по собственному» и рванула на дачу среди недели, не дожидаясь выходных.

...В Березовке она целые дни проводила на берегу в блаженном безделье: купалась, шурилась на солнце и мокрых стрекоз, валялась на траве, загорая без купальника – места здесь тихие, безлюдные, вряд ли кто вспугнет одинокую русалку.

Итак, река несла свои воды, отражая скукающую хрупкую барышню. У девицы-красавицы изящное тело балерины, идеально сформировавшееся за годы, проведенные в балете, совершенный овал лица, высокий лоб, огромные глаза цвета самого крепкого чая. Больше всего на свете Полина любит наблюдать за облачком сигаретного дыма, мечтать с книгой в руках на берегу реки. А иногда, под настроение, хочется вспомнить балетное прошлое – изобразить что-нибудь этакое... с вывертом.

Как раз в момент судьбоносной встречи она поднялась с травы и сделала приличное фуэте.

– Браво! – в метре от нее раздался приятный мужской голос.

Полина взволновалась. Перед ней стоял мужчина лет тридцати. Из породы явных городских пижонов – голубчик вырядился в щегольскую белую рубашку-поло и светлые брюки. Местные деревенские, уж конечно, так не ходят. Пришелец нахально улыбался, пожирая Полину глазами. Положение красавицы усугублялось тем, что из одежды на ней был только намек на трусы в виде черных стрингов.

– У вас красивая грудь! – так непосредственно заметил он, словно рассматривал картину в музее.

Полина вспыхнула. Трусы на приличные уже не поменять, до блузки не дотянуться, бежать за одеждой под его взглядом глупо. И что дальше? Она продолжала стоять соляным столпом, смущенная и разгневанная. Слова нашлись только на недобрый вопрос «вы откуда?!».

– Свалился с луны. На машине. Авто оставил у переезда, а сам решил искупаться. И не зря – оказывается, в здешних реках водятся прекрасные русалки!

«Тьфу, он еще и балагур!» – сморщилась Полина и произнесла с убийственной интонацией:

– Кто вы такой?

– Мужчина, способный оценить женскую красоту! – усмехнулся незнакомец. – Отныне – ваш верный поклонник и воздыхатель. Я уже влюблен в вас!

Полина размахнулась и отвесила нахалу увесистую пощечину.

– Я вас уже люблю! Осталось только узнать ваше имя!

– Пошел к черту, клоун!

Стараясь сохранять достоинство, она направилась к своим вещам. Неторопливо подняла блузку, натянула.

– Могу я хотя бы спросить, где тут дом...

– Нет, – резко оборвала его Полина и зашагала прочь.

* * *

– Басманова, зайдите ко мне! – Татьяна услышала в трубке голос главного редактора издательства, Сан Саныча.

Собираясь к шефу, она решила «навести красоту». Что там у нас сегодня с лицом?! Ничего, все в порядке. Спасибо природе и родителям за модельные данные, высокий рост и золотые волосы. Сан Саныч говорит, что такую фемину нужно снимать в кино! Исключительно в заглавной роли в постельных сценах. А она вместо кинематографа подалась в книжное издательство. И тут уже отдельное спасибо природе и родителям за богатое внутреннее содержание – приятное дополнение и щедрый бонус к яркой внешности. От родителей ей в наследство также перепала любовь к литературе. Татьяна, как и все дети профессора филологии Басманова, на ней повернута, что и сказалось в конечном счете на выборе профессии.

Сан Саныч сегодня особенно строг – сначала долго нудел о том, что Татьяна затягивает выпуск серии «про женщину с собачьей головой», а потом «послал» сотрудницу, раз она не справляется с обязанностями редактора, прямиком в кинематограф, не преминув опять вернуть про заглавные роли и постельные сцены. Татьяна смутилась: «Фи, как вы можете? Вы, почти отец и духовный наставник!» – и ушла от шефа изрядно опечаленная. Что до нее – она бы подобную макулатуру и близко к выпуску не допустила. Но ее снобизм неуместен, редактор должен отыскивать литературу, востребованную широкими массами. А чего те алкают? Бесконечных детективов, похабщины, юмора, чтобы и для цирка «не было тонко». Раньше работа редактора представлялась Татьяне интересной и важной для человечества. Она даже считала, что редактор – нужное связующее звено между гениальными авторами и одаренными или хотя бы заинтересованными читателями. А на самом деле? Где великая литература и где Татьяна? Кого и с кем она связывает? Придурковатых читателей с не менее придурковатыми авторами? Жаль... Распалась связь времен. Выбирая профессию, она и не предполагала, что ей придется рыться в горах мусора в тщетной надежде извлечь оттуда жемчужное зерно. Татьяна работает с самотеком – с текстами никому не известных авторов, «шедевры» которых бурной рекой льются в издательство. Увы, эту речку можно назвать сточной. И каждый божий день (за что, спрашивается?!) Татьяна погружается в ее мутные воды.

Вот и сейчас она начала погружение, мужественно взявшись за очередную рукопись, где ее ждал все тот же графоманский бред. Как правило, Татьяне хотелось одного – в сопровождающей рецензии написать единственное слово «бездарно!» и кинуть ее в физиономию автора. Господа, вы подменили понятия, смешав искусство с балаганом!

Бросить бы все к чертовой матери и уйти... Но... что, если однажды она все-таки дождетсЯ того самого единственного автора и свяжет его с миром благодарных, тонких читателей-ценителей? Ради одного настоящего романа можно ждать.

Татьяна ждала и искала в куче самотека свою жемчужину. За три года работы в издательстве она ее пока не отыскала, зато нашла любовника, некоего Олега Гренкина, известного миру как автор остросюжетных боевиков Олег Гришин.

Стоило Татьяне подумать о нем, и тут же сработала великая космическая связь – раздался звонок, и женщина услышала знакомый голос:

– Привет! Соскучилась?

Олег традиционно начинал беседу с этого глупого вопроса, и она никогда не знала, что ответить. Впрочем, ответ, очевидно, не предполагался – Гришин уверен в том, что Татьяна без него сходит с ума.

– Вечером встретимся?

– Извини, не могу, после работы еду на дачу.

– Я хочу побыть с тобой. Хотя бы пару часов!

Татьяна представила красивое обиженное лицо Олега и вздохнула.

– Хорошо, я приеду! Встретимся в пять?!

– Буду ждать!

На самом деле ждать ему не приходится – ждет всегда она. Татьяна, как человек пунктуальный, является вовремя, а Гришин опаздывает. Если вообще приходит, потому что бывает и так – пообещает, но вдруг отменит встречу, сославшись на занятость.

И сегодня Татьяна пришла первой. Эту трехкомнатную квартиру в центре они снимают четыре года. Из окон феерический вид на набережную. Надо полагать, аренда обходится Гришину недешево. Иногда Олег, кстати, спрашивает, почему они не могут встречаться у нее на Мойке. Татьяна виновато отвечает, что живет вдвоем с сестрой, которой надо будет как-то объяснять их отношения.

Встречаться в квартире Гришина они не могут по одной простой и весьма банальной причине: Олег давно и несчастливо женат. «Несчастливо» – его собственное определение, Татьяна не унижит себя подобными оценками. Она вообще предпочитает не касаться этой стороны жизни Олега. Наверное, ее можно назвать идеальной любовницей – лишних вопросов не задает, права законной супруги не оспаривает, сцен не устраивает, поскольку того не позволяет воспитание. Неудивительно, что Гришин ценит Татьяну: водит в театры, балует подарками, иногда даже осчастлиливает внеплановым свиданием. Что еще нужно, живи и радуйся! Ее коллега, младший редактор Мышкина, часто повторяет: «Какая вы счастливая!» – при этом так вздыхая, что Татьяне хочется верить в собственное счастье. Однако что-то всякий раз останавливает. Это «что-то» светит тихой печалью внутри ее. И даже угадывается в глазах, разрушая образ идеальной любовницы. Потому что любовницы должны быть идиотически радостны. Гришин порой сердится: «Что за вселенская тоска, дружок?» Татьяна чувствует вину перед Олегом за неуместную сложность своего внутреннего мира, но поделать с собой ничего не может.

Свидание не удалось. Нетерпеливые ласки любовника и поразительное равнодушие с ее стороны. Может, усталость тому причиной? Да так ли важны причины, когда следствие вот оно, безжалостно и беспощадно, – в который раз за ближайшее время ей пришлось имитировать оргазм. Скоро войдет в привычку повторять «на бис» четкие, отработанные движения, просчитанные охи-вздохи, когда и сколько надо. Для достоверности. Хотя особо можно и не стараться – Олег поверит даже самой грубой игре и не заметит фальши. Ему и в голову не придет, что он не способен удовлетворить женщину, уверенность в собственной абсолютной мужской силе в нем – молодец, так держать! – несокрушима.

Он поднялся с кровати и самодовольно поиграл мускулами – хорош, ничего не скажешь: мощный торс, широкие плечи! Как фээсбэшный мачо майор Глухов, неизменный персонаж гришинских опусов. Обернулся, подмигнул ей.

Они выпили чай и вышли из дома. Сели в припаркованную у парадного роскошную машину Гришина. На вопрос, куда ее подвезти, Татьяна попросила подбросить до рынка – купить сестре черешню.

Мурлыканье Иглесиаса, сильные руки любовника уверенно держат руль; казалось бы, что еще надо женщине – замри и не дыши от счастья!

У рынка остановились.

– До встречи, родная! – Он торопливо чмокнул ее в щеку.

– Поехали со мной. У сестры день рождения!

– Сколько стукнуло?

– Девятнадцать!

– Отличный возраст, – усмехнулся Гришин и виновато добавил: – Прости, Танюша, не могу! Дела... Не обижайся!

– Я не обижаюсь.

– После выходных созвонимся?

– Конечно!

Она захлопнула дверцу. Какой внимательный мужчина – даже не предложил отвезти ее в Березовку! Куда теперь придется ехать с сумками на электричке. Удивительно – за четыре года знакомства он ни разу не выразил желания познакомиться с ее сестрами и братом, хотя прекрасно понимает, как много для Татьяны значат родные. Неужели Олегу настолько безразлична ее жизнь? Впрочем, чему удивляться – Гришин считает себя центром вселенной и не особо интересуется тем, какие маленькие планетки и звездочки вращаются вокруг.

* * *

Полина сидела на крыльце с бокалом вина. За крыльцом начинался желтый ковер из одуванчиков. Недолго думая, она скрутила одуванчиковый браслет и прицепила его на тонкое загорелое запястье. Глоток прохладного шардоне... И до обморока вдохнуть одуряющий запах сирени, которая буйным морем раскинулась у забора.

– Маруся! – раздался голос старшей сестры.

Калитка распахнулась, и появилась Татьяна. Полина помахала сестре рукой и сказала, что Маша приедет позже, поскольку у нее на курсе спектакль. Татьяна устало опустила на широкую ступеньку.

– С тех пор как Маруся стала гонять на машине, я за нее очень беспокоюсь!

– Синдром старшей сестры! – хмыкнула Полина. – Ты и меня так же опекала, пока я не сбежала замуж! Машке девятнадцать, взрослая девица, пора ее отпускать!

Татьяна улыбнулась:

– Вот найдет себе такого мужа, как твой Данилов, тогда отпущу!

– Она вроде уже нашла! Почти мужа!

– Тот, кого она нашла, – еще сам ребенок. Милые, не приспособленные к жизни дети – Саша и Маша! Кстати, ее Саша тоже приедет сегодня поздравить именинницу. Где Андрей?

– Братец отсыпается, всю ночь работал! Представляешь, ночью разразилась ужасная гроза! А после дождя стало так свежо...

– В городе не было дождя! Счастливая ты, Польша, сбежала оттуда! Знаешь, кто-то сказал, что счастлив тот, кто каждый день имеет время смотреть в небо.

– Так это ж я! – рассмеялась Полина. – Счастливица!

– Точно, здесь небо всегда перед глазами. Стоит только сойти с крыльца, и оно обрушится на тебя, как океан. И кружится голова, и счастье наплывает, словно облака!

Полина усмехнулась:

– Как вы с Машей любите поэтические сравнения!

Татьяна погладила одуванчиковый браслет на руке сестры:

– Вино у тебя тоже из одуванчиков?

– Вино у меня шардоне!

Полина протянула Татьяне свой бокал.

– Надо же – прохладное! – обрадовалась та.

Младшая сестра смотрела на старшую и улыбалась – а сестренка-то красавица! Волосы оттенка «натуральный блонд», большие голубые глаза, высокая, тонкая фигура (достоинства которой удачно подчеркивает платье василькового цвета). Заметив пристальный взгляд сестры, Татьяна смутилась.

– Красотка! – улыбнулась Полина. – Ты у нас воплощенный тип северной красоты, как мама. Вы с Андреем очень похожи на родителей. Только ты больше на маму (ишь что удумала – в красавицы подалась!), а Андрей на отца. Глядя на вас с Андреем, кто угодно поймет, что вы брат и сестра. Да и Маша похожа на вас. А вот я какая-то черненькая арапка – ни тебе прекрасных голубых глаз, ни «натурального блонда». К тому же возмутительно тощая. И в кого я такая паршивая овца?

Татьяна покатила со смеху:

– Перестань! Грешите вы на себя, Полина Сергеевна! В ваших-то арапских, неголубых глазах такие всполохи, что многих кавалеров поджарят на костре.

– И поделом! Нечего заглядываться на замужних женщин! – хмыкнула Полина. – Но все-таки странно, причуда природы, казус генетики – «она в семье своей родной казалась девочкой чужой»!

– Кстати, где твой муж, замужняя женщина?

– Данилов самоотверженно лечит больных. Пока всех не вылечит, с работы не уйдет! Да, забыла сказать: Андрей предупредил, что сегодня приедет его старый приятель и останется у нас ночевать. Готовясь к нашествию гостей, бабушка затеяла пироги!

– С капустой? – охнула Татьяна. – Это же песня песней!

– Также для ценителей прекрасного – творожные, с картофелем и грибами, ягодные и отдельная история – маковые рулеты!

Татьяна едва не застонала.

Сестры сидели на веранде и нарезали салаты, когда к дому подошел незнакомец, изрядно смутивший Полину на берегу. Увидев Полину, он расплылся в улыбке:

– Вторая Лесная улица?

Татьяна приветливо кивнула.

– Дом Басмановых?

Полина от удивления едва не выронила нож.

– Могу я увидеть Андрея? – спросил мужчина.

Из глубины дома раздался смех. Минутой позже изумленные сестры наблюдали дружескую встречу. Андрей бросился навстречу незнакомцу. Похлопыванья по плечу, присказки «сколько лет – сколько зим» – ясно, что тут уж настоящая радость встречи. Теперь Полина могла внимательно разглядеть приятеля брата: темноглазый, широкоплечий брюнет с ироничной белозубой улыбкой – тип героя, что определенно нравится женщинам. Яркая внешность, обаяние, уверенность – полный джентльменский набор мужских достоинств.

– Мой друг Никита Климов! – объявил Андрей.

– Исключительно приятно! – с откровенным сарказмом заметила Полина.

Брат укоризненно спросил, какая муха ее укусила, и обратился к другу:

– Не обращай внимания, Ник! Моя младшая сестрица остра на язык, за что и получила прозвище Насмешница, в просторечии Зараза.

Климов расплылся в улыбке:

– Я и не знал, старик, что у тебя большая семья!

Андрей вздохнул:

– Представь себе двусмысленность моего положения – у меня три сестрицы! Одна прелестнее другой! Иной раз думаю: вот свезло так свезло! И все мне, все мне! С младшей, Машей, ты познакомишься чуть позже.

– А этот дом? – спросил Климов, оглядывая двухэтажное деревянное строение с зеленой крышей.

– Родовое имение семьи Басмановых. Принадлежал еще нашему деду! – пояснил Андрей. – Здесь, Ник, прошло наше безмятежное детство! Кстати, скоро познакомлю тебя с бабушкой. Она у нас личность, прямо скажем, выдающаяся!

– Занятно! Я бы, право, задержался у тебя на пару дней! – сказал Климов.

Андрей обрадовался:

– О чем речь? Сейчас мы с Татьяной приготовим для тебя отдельную комнату.

Оставшись с гостем наедине, Полина нарочито показывала, что не замечает его, и сосредоточенно нарезала овощи.

– Помочь? – насмешливо спросил Климов.

Его взгляд смутил Полину, и вместо огурца она резанула ножом по пальцу.

Черт, как больно!

Он схватил ее руку:

– Ай-ай! Ну, как можно! Такие изящные музыкальные пальцы!

Выступила кровь.

– А я думал, она у тебя голубая!

– Пошел вон, болван. Лучше помоги мне! – вспыхнула Полина.

Климов прижал ее руку к своей груди. На белой рубашке расплылось красное пятно.

– Видишь? Я убит наповал. Прицельный выстрел в сердце.

Полина как замороженная смотрела на пятно, не зная, что сказать. Этим же ножом Климов вдруг ударил себя по руке. Любитель эффектных жестов не рассчитал силы, и кровь буквально хлынула.

– Ты псих?

– В любви – да.

– Что ты делаешь?

Она даже не заметила, что перешла на «ты».

– Обычная магия. – Он взял ее руку в свою. – Ну вот, теперь наша кровь смешалась.

– И что?

– Заговор! На любовь! Ты полюбишь меня!

Полина задохнулась от возмущения:

– Как ты смеешь?

– Учти – я согласен только на настоящую любовь!

С минуту они смотрели друг на друга. В серых глазах Климова сверкали магнетические разряды.

На веранде появились Татьяна и Андрей.

– Никита, твоя комната готова! – Андрей хлопнул друга по плечу и осекся, увидев его рубашку. – Что случилось, ты поранился?

– Прицельный выстрел! – рассмеялся Климов. – В сердце!

Андрей увел приятеля в дом показывать комнату и вскоре вернулся один. Татьяна поинтересовалась, где его товарищ. Андрей ответил, что Климов переодевается.

– Что это вообще за клоун? – угрюмо спросила Полина.

Андрей оскорбился, словно бы клоуном назвали его:

– Да знаешь, кто он?!

Полина усмехнулась:

– И кто же?

– Гений! – со значением сказал Андрей.

Полина покатила со смеху:

– Да ну?!

Андрей принялся темпераментно убеждать сестер в том, что его друг – сверходаренный физик и на самом деле, не извольте сомневаться, – гений! Климову только двадцать девять, а он уже защитил кандидатскую, в будущем ему как минимум светит нобелевка!

– Судя по всему, ты к нему нежно привязан?! – спросила Полина.

Андрей рассказал, что с Климовым познакомился в Москве, в студенческую бытность. «Он отличный парень. После института мы разъехались. Никита остался в Москве. А вчера вдруг позвонил, сказал, что приехал, ему здесь предложили работу в крупной лаборатории. Теперь он будет жить в Петербурге, кстати, его жена – петербурженка!»

– Он женат? – хмуро спросила Полина.

Андрей улыбнулся:

– Да! И по слухам, его жена – фантастическая красавица!

– Он и сам очень даже ничего! – заметила Татьяна. – Симпатичный!

Полина пренебрежительно фыркнула – мол, ничего особенного! Татьяна внимательно посмотрела на сестру: что на нее нашло? Полина смутилась и сказала, что идет загорать на берег.

Вскоре после ее ухода на веранде возник Климов. Он спросил, где Полина, и, узнав, что та ушла к реке, пробормотал: «Вот! Очень правильно! Я тоже собирался!» Климов быстро сбежал с крыльца и скрылся из глаз.

– Что это с ним? – растерялся Андрей. – И кстати, почему у них обоих поранены руки? Ты что-нибудь понимаешь?!

Татьяна грустно улыбнулась:

– А если это любовь?

* * *

Они сидели на берегу и разговаривали, когда рядом раздалось смущенное покашливание. Климов обернулся и увидел высокого светлоглазого шатена лет тридцати, с большими сумками в руках.

– Знакомьтесь, это мой муж Иван Данилов! – сказала Полина. – А это приятель Андрея – Никита Климов.

Молодые люди пожали друг другу руки.

– Ты с электрички? – спросила мужа Полина.

Он кивнул:

– Да. А что с рукой, Полиша?

Она отмахнулась:

– Пустяки. Порезалась.

– Надо быть аккуратнее. – Данилов взглянул на Климова. – Вам тоже советую! Я пойду в дом, закину продукты в холодильник!

Он развернулся и пошел к деревне.

– Обиделся? – усмехнулся Климов, когда Данилов скрылся из глаз.

Полина пожала плечами:

– Он никогда не обижается.

– Ревнует?

– Еще чего!

– У него что, отмерли нервные окончания?

– Просто такой человек!

– Какой он человек, я понял. И огорчился. Самый скверный вариант из всех возможных – славный малый, к тому же искренне любит тебя!

– Что в этом плохого?

– Для меня – плохо. Усложняет задачу.

– А ты этого не учел?

– Признаться, да.

– Ты хотел, чтобы мой муж оказался забулдыгой, ревновал и скандалил по любому поводу?

– В идеале я предпочел бы, чтобы у тебя вообще не было мужа. На крайний случай сгодился бы муж-забулдыга. Тогда бы ты легко ушла ко мне.

– Кажется, кому-то из нас напекло голову! Тебе, раз ты несешь такой вздор, или мне, потому что я его слушаю.

– Может, нам обоим?

– Наверное!

– Имей в виду: тебе придется слушать этот вздор всю жизнь!

– Для тех, кто еще не понял, – я замужем!

– Я узнал об этом слишком поздно, – серьезно сказал он, – заговор не отменить. Мы с тобой обречены на любовь.

Глава 2

Студентка второго курса театральной академии Маша Басманова в старенькой, выдавшей виды «шестерке» неслась по загородному шоссе. Она была абсолютно счастлива, счастье плескалось внутри, как солнце в стакане родниковой воды, и переполняло барышню по самые уши.

В магнитоле звучал ее любимый джаз. В музыке было столько драйва, что Маша не могла спокойно сидеть на месте – подпевала, поводила плечами. В барышне бурлила энергия юности, которой хватило бы на то, чтобы взорвать пару городов, но она использовала свою энергию в мирных целях: играла главные роли сразу в нескольких студенческих спектаклях и тратила себя, не жалея. Ей хотелось жить именно так – на разрыв. Сегодня Маше исполнилось девятнадцать, и она спешила в Березовку, чтобы отметить день рождения с родными.

Глядя на цветущие сады, девушка радовалась, представляя, как красиво сейчас в их поселке, где зацвели яблони и сирень. Однако вскоре Машино мажорное настроение оказалось подпорчено – ее нагло подрезала вишневая «девятка». Обиднее всего было то, что за рулем тоже сидела девушка. Маша ругнулась, но тут же забыла про нахапку и снова принялась подпевать в такт Армстронгу. Впрочем, вскоре она сбилась с ритма, поскольку перед носом «шестерки» вдруг выскочила все та же машина и девица-водитель вновь подрезала ее самым бессовестным образом. «Хамка!» – взбеленилась Маша и посигналила. А на подъезде к поселку «девятка» опять пошла на обгон. Тут уж Маша совсем взбесилась, но не успела она мысленно пожелать девице всяческих успехов, как они вместе встали на переезде. Лихая гонщица в «девятке» и сзади Маша на старенькой «шестерке». С минуту Маша разглядывала эффектную брюнетку в салоне, а потом, внезапно поддавшись необъяснимому порыву, въехала в бампер ее авто.

Расфуфыренная брюнетка в белом брючном костюме выскочила из машины, оглядела небольшую вмятину на бампере и закричала. Маша приоткрыла дверцу и помахала девице – салют! Подняли шлагбаум, и Маша нажала на газ, оставив возмущенную автолюбительницу далеко позади.

Она притормозила у реки, поднялась на берег. Ветер рвал облака, бил в лицо – Маша зажмурилась от радости. Ей хотелось полетать над Березовкой вместе с маячившим в небе дельтапланом. Постояв минуту-другую у реки, она поехала к дому.

У палисадника соседа Басмановых, старика, которого в деревне почему-то звали Хренычем, Маша задержалась, засмотревшись на роскошную сортовую сирень. Погрузиться в лиловое воздушное чудо, вдохнуть аромат сирени и неожиданно найти пятилепестковый цветок – на счастье! «Буду счастливой!» – ахнула Маша.

Веселым звоночком залаяла собака Басмановых – Балалайка. Маша погладила ее и поднялась на веранду. Сестры повисли у девушки на шее. На именинницу обрушился хор из дружных поздравлений, сопровождаемый заливым лаем Балалайки.

* * *

Андрей представил сестре приятеля.

– Значит, вы физик? – спросила Маша, разглядывая Климова.

Тот подмигнул ей:

– Главное, что в душе я лирик!

Она расхохоталась – веселый красивый Климов вызывал симпатию.

...Сестры сидели на веранде. В разгар их оживленной беседы у ворот остановилась вишневая машина с помятым бампером. Из нее вышла хорошо известная Маше красивая брюнетка в брючном костюме.

– Это еще что? – забормотала именинница. – Интересно, как она меня выследила?! Небось счет предъявит!

Сквозь собачий лай донесся голос с несколько манерной интонацией:

– Дом Басмановых?

Полина, кутившая на крыльце, утвердительно кивнула и спросила, чего желает незнакомка. Та в ответ пояснила, что хотела бы увидеть своего мужа.

Полина усмехнулась и пожала плечами – мол, не знаю, о ком идет речь.

Брюнетка лучезарно улыбнулась:

– Я ищу Никиту Климова!

Полина внимательно оглядела барышню: высокая, стройная, черные смоляные волосы, лицо такое бледное, что кажется фарфоровым, светлые глаза.

Появились Андрей с Климовым. Светлоглазая брюнетка кинулась к Никите. Тот без особого энтузиазма отозвался на приветствие и спросил, как она его нашла.

– Вчера ты сказал, что едешь на выходные к Андрею Басманову в Березовку, – объяснила брюнетка. – А поскольку мне срочно понадобилось обсудить с тобой один вопрос, я решила найти тебя здесь.

– Знакомьтесь – моя жена Лена! – сообщил Климов.

– Ты забыл уточнить, что я твоя бывшая жена! – добавила та.

– В самом деле, дорогая! – усмехнулся Климов. – Уточняю – мы развелись полгода назад. Так что у тебя за дела?

Они ушли в глубь сада, где их никто не мог слышать.

– Зачем ты приехала?

Оставшись с ней наедине, Климов позволил себе выказать недовольство.

– Мы вроде бы обсудили дела, дорогая! Я сказал, что вернусь во вторник и мы все решим!

– Во вторник будет поздно! – от негодования Лена едва не топнула ногой. – Документы на кооператив надо подавать в понедельник! Мне нужно было срочно увидеть тебя...

– Ладно, оставим это... Как жизнь, женушка?

– Что у меня может быть хорошего, Ник?! – кокетливо вздохнула Лена. – Муж сбежал, оставив меня в одиночестве! А мне, между прочим, уже двадцать восемь! Заметь – лучшие годы я отдала тебе!

– Уверен – тебе недолго томиться в одиночестве!

– Ты грубый, Никита! Ты всегда был жестоким...

– Ты приехала в такую даль, чтобы высказать свои обиды?

– Ты опять не понял меня! Впрочем, как всегда!

– Классическая женская фраза! Слушай, Лена, что тебе надо? Документы на кооператив я оформлю на тебя. Хоть в понедельник, хоть прямо сейчас. Свою машину я тебе уже отдал. Подаренную мне отцом, уж извини, оставил себе. Другим имуществом, я, к сожалению или к счастью, не располагаю!

– Не смей выставять меня расчетливой тварью! – Она вспыхнула, отчего ее белое фарфоровое лицо порозовело. – Какой ты подонок, Климов! Играючи, испортил мне жизнь! Когда я выходила за тебя замуж, то и представить не могла, что у нас с тобой все закончится так бездарно...

– Я должен попросить прощения?

– Снова твои бесконечные шуточки... Считаешь себя умнее других!

– Это все, что ты хотела сказать?

– Я устала, Никита, – неожиданно миролюбиво призналась Лена, – могу я здесь отдохнуть с дороги?

– Не думаю, что это удобно.

– Какая жестокость – гнать меня сейчас в город!

– У них праздник, день рождения младшей сестры, – вяло запротестовал Климов.

– Чудесно! – кивнула Лена. – Обожаю милые семейные праздники!

Климов усмехнулся:

– Конечно, разве ты когда-либо принимала в расчет чье-то мнение?! Валяй, делай что хочешь!

Лена демонстративно отвернулась, дав понять бывшему мужу, что разговор закончен, и устремилась к дому. Поднявшись на веранду, она спросила, где именинница.

– Я здесь, – хмуро отозвалась Маша.

Увидев ее, Лена остолбенела, а потом возмущенно крикнула:

– Эта девица смяла мой бампер!

Маша в ответ глянула недобро, с вызовом.

Подошедший Климов рассмеялся:

– Дорогая, я всегда знал, что у тебя проблемы с вождением. Кстати, позвольте представить мою бывшую жену – Лена Лаптева.

– Очень приятно! – фыркнула Маша.

Лена с той же интонацией подтвердила взаимность.

– Как хорошо, барышни, что вы нашли общий язык, – улыбнулся Климов. – Не сомневаюсь, вы подружитесь.

Андрей подскочил к Лене:

– Вы, наверное, устали с дороги? Идемте в дом!

Бросив на Машу убийственный взгляд, Лена ушла с Андреем.

– Неужели это ваша жена? – спросила девушка у Климова. – Похожа на русалку. Или куклу!

– Она очень красивая! – сказала Татьяна.

– Согласен. Прямо троянская Елена! – с сарказмом подтвердил Климов. – Красота – страшная сила!

– Вы хотите, чтобы она осталась у нас? – спросила Маша.

Климов невозмутимо пожал плечами:

– Боюсь, этого хочет ваш братец!

Маша сморщилась:

– Влюбился он в нее, что ли? Ладно, не будем портить себе настроение! И вы, Никита, не грустите! Вы молодой и симпатичный! У вас будет другая жена! Ой, смотрите, у вас ниточка прилепилась к рукаву. Хотите, погадаю, на какую букву начинается имя вашей будущей жены?

Она схватила ниточку и намотала ее на палец.

– Ха-ха! На Ж! Жоржетта! Жанна! Женестьева!

– Весело тут у вас! – хмыкнул Климов.

* * *

Татьяна засмотрелась на то, как лихо бабушка управляет с пирогами. И все-то у нее выходит ловко и складно, ее стараниями держится весь дом. Глядя на нее, никто не скажет, что Зинаиде Павловне уже семьдесят пять, на старушку она не похожа – крепкая, подтянутая, с безупречной прямой осанкой. Она ведет хозяйство, ухаживает за садом. И в доме, и в саду у нее идеальный порядок. Бабка Зинаида гоняет внуков, добиваясь от них дисциплины. К себе она столь же сурова и беспощадна.

Бабушка принялась готовить творожную начинку. Пироги у нее отменные, такие же, как чувство юмора. Зинаида Павловна остра на язык и припечатать может так, что срежет словом. Татьяну неизменно удивляет, как при столь тяжелой жизни бабушка не растеряла жизнелюбие и способность шутить. Сама Зинаида Павловна считает, что как раз чувство юмора помогло ей пережить трудные времена.

«Какое у бабушки красивое лицо! – улыбнулась Татьяна. – Северные голубые глаза, снежная седина. Тонкая фигура, не утратившая гибкости, поразительно плавная пластика – ни одного лишнего, торопливого движения! В ней нет ненужной, оскорбительной для женщины суеты».

Зинаиду Павловну отличает удивительное чувство собственного достоинства. Бабушка часто повторяет внукам, что унизить можно только того, кто дает на это разрешение. Татьяна убеждена: бабка Зинаида никому и никогда не позволяла себя унижить.

Бабушка разложила дымящиеся маковые рулеты на расшитом цветными узорами полотенце.

– Когда ты все успеваешь, ба? – спросила Татьяна.

Зинаида Павловна взглянула на внучку и усмехнулась:

– Я всю жизнь встаю в шесть утра. А как известно, кто рано встает – тому Бог дает. Вот мне и даются силы.

– Объясни это Маше! – рассмеялась Татьяна. – Она у нас любит дрыхнуть до обеда, а потом удивляется, что всюду опаздывает.

– Маша послушает, как же! – недовольно вздохнула Зинаида Павловна. – Не хочется брюзжать, но скажу: в нынешней молодежи слишком много расхлябанности и лени. Все бы им на диванах лежать да птифуры с кремом кушать. Изнеженные, слабые, тьфу!

Татьяна не спорит с бабушкой – она знает, что та имеет право на эти слова. У нее была необычайно сложная жизнь с чередой трагедий и столько потерь и утрат! Это про ее поколение сказано:

Меня, как реку, суровая эпоха повернула,
И я своих не знаю берегов...

За месяц до войны, будучи совсем юной девушкой, она уехала из Петербурга в геолого-разведочную экспедицию в Казахстан, откуда уже не смогла попасть домой, где остались мать и братья. Вернувшись после войны, никого из близких Зинаида Павловна не застала. Вся ее семья погибла в блокаду. На месте дома – воронка, где могилы родных – неизвестно. «Своих не знаю берегов...» Надо было как-то жить дальше... После войны вышла замуж. Мужа любила, но прожила с ним недолго – его репрессировали по политической статье. Он умер в лагере. «Суровая эпоха...» Замуж больше не вышла. Растила сына, много работала. Восемь лет назад похоронила сына и любимую невестку. И никогда – жалоб, слез, претензий ни к миру-зданию вообще, ни к отдельным его представителям в частности.

На фоне бабушкиной жизни собственные проблемы и беды кажутся Татьяне мелкими. Если она позволяет себе распуститься, захандрить, Зинаида Павловна тут же ее совестит. Увещевания любимой бабки действуют как холодный душ – быстро приводят в чувство. Татьяна вообще считает, что люди той, ушедшей, эпохи были лучше, честнее, сильнее, великодушнее, не жаловались, не хныкали, отдавали жизни за идею. А теперь масштаб стал мельче, что ли? Нынешнему человеку на ногу наступят, так он на всю вселенную развопится. Как говорит бабушка, иронизируя над внуками: «Все-то вам, ребятки, трагизм везде мерещится. Нет конфетки к чаю – уже и горе!»

Татьяна выглянула в окно. На яблоне чирикала смешная птичка с желтым хохолком. Ветер качал огромный куст сирени, отчего он казался живым и радостным. Для Татьяны этот дом и сад как шкаф для чеховского героя – родина. Да, если бы ее спросили, что она связывает с понятием «родина», она бы мгновенно ответила: «Дом в Березовке». Ей часто кажется, что родители ходят по саду, смотрят в окна. Они здесь, рядом. Восемь лет прошло, как их нет, – целая вечность... Когда умерла мама, вот так же цвела сирень, и смерть в конце мая, когда благоухают сады и все готовится к жизни, казалась противоестественной. Наверное, умирать нужно осенью, в октябре, на рассвете – улетать птицей в стылый рассвет. Как умер отец... Пережив мать на несколько месяцев. Получилось как в сказке – они любили друг друга и умерли вместе. Для их детей, впрочем, сказка оказалась страшной. У мамы – рак, а отец не смог жить без нее и умер от инфаркта.

Маша тогда была совсем маленькая, кричала на похоронах отца: «Мы станем звонить им, каждый день станем звонить». После похорон девочку долго отхаживали, три месяца она болела. Потом случилось несчастье с Полиной: получив травму, она ушла из балета. Тяжелые выдались времена... Татьяна черпала мужество в бабушке, в ее присутствии стыдно было распускаться. Они тогда особенно сблизились, объединенные горем и общими заботами, много разговаривали. Бабушка Зинаида рассказывала внучке о своей жизни, о том, как пришла к вере, убеждала, что Бог испытывает нас, посылая испытания. Христианство бабушки представлялось Татьяне живым – в нем были нежность, юмор, сострадание, любовь, радость и вместе с тем суровость и стоицизм, что-то настоящее, как сама жизнь.

* * *

Климов курил в беседке, когда к нему подошел Андрей.

– Старик, давай начистоту... Если я начну ухаживать за Леной, ты не будешь против?

Климов расхохотался:

– Я? Против? Да что ты! «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Все нормально. Но вообще, если между нами... Насчет Лены Лаптевой... Не советую! Демоническая женщина!

– В смысле?

– Сказать прямо? Ну, изволь – она тебя съест и не подавится!

– Я что, десерт? – обиделся Андрей.

Климов вздохнул:

– Поступай как хочешь!

Лена уже садилась в машину, собираясь уезжать, когда к ней подошел Андрей и робко попросил остаться на день рождения.

Она усмехнулась:

– Зачем мне оставаться, когда меня здесь терпеть не могут?!

– Они просто не знают вас!

Андрей чувствовал смущение перед этой красавицей и готов был на все, чтобы остановить ее.

Лена взглянула на молодого человека внимательно, словно увидела его в первый раз: немного старомодный и смешной, рыхловатый, пожалуй – трогательный... Ему запросто может быть и двадцать пять, и на десять лет больше – у таких людей сложно определить возраст. Хотя, если он ровесник Климова, ему около тридцати. Надо же – смущается, краснеет! Где сейчас встретишь смущающихся мужчин? И разговаривает так, будто боится ее обидеть. Одет небрежно – невыразительная рубашка, мешковатые брюки... Куда ему до франтоватого Климова! Да, определенно, с ее бывшим мужем они совершенные антиподы... И однако же – лучшие друзья?!

Она улыбнулась:

– Значит, вы лично приглашаете меня?

– Да! Вы будете моей гостьей! – Андрей засиял от счастья. – Я уступлю вам свою комнату!

– Хорошо, я останусь. – Кокетливая улыбка и нежный вздох. – Ради вас, Андрей!

* * *

Полина проснулась по обыкновению рано. Данилов еще спал, по-детски раскинув руки. Она подошла к окну. День обещал быть теплым.

– С добрым утром! – поднял голову Иван. – Не спится?

– Да... А ты спи.

Данилов улыбнулся жене и снова закрыл глаза.

Полина вышла в сад. Она любила встать рано и сделать зарядку на улице, вспоминая балетное прошлое. Сегодняшнее утро Полина начала с привычной разминки.

– Ты очень гибкая! – заметил Климов.

От неожиданности она вздрогнула.

– Чего ты шлешься в такую рань?

– Я всегда встаю в это время. – Климов пожал плечами. – Многолетняя привычка.

– Подглядывать тоже привычка?!

– Прости, не мог отказать себе в удовольствии. Полюбовался. Прямо-таки балет Большого театра!

– Вагановское! – хмуро сказала Полина.

– Да ну? Ты балерина?

– В прошлом.

– Почему в прошлом?

– Потому что травма, потому что не повезло, потому что так сложились обстоятельства.

Понятно?

Он улыбнулся:

– Вполне. Как спалось?

Она промолчала.

– А что супруг? Почивает?

Полина съехидничала:

– А твоя жена?

Он и бровью не повел.

– Понятия не имею. Она спит в комнате Андрея. Идем на реку?

У Полины екнуло в груди.

– Зачем?

– Купаться!

Он взял ее за руку и повел за собой.

На берегу Климов разделся. Она украдкой оглядела героя и оценила его атлетическое сложение.

Он попробовал воду босой ногой:

– Теплая! Идем!

Она смутилась:

– У меня нет купальника.

– Можешь не стесняться – все самое интересное я уже видел!

– Не надо пошлостей! Я этого не люблю!

– Правильно! Я сам не люблю!

Он расстегнул молнию на платье Полины, снял его. Минуту они стояли друг против друга. Что-то невыразимо эротичное было в этой сцене.

«Что со мной происходит, с ума я сошла, не иначе...» – охнула Полина и побежала к воде.

Она плыла, рассекая волны. Климов оказался прекрасным пловцом и оставил Полину далеко позади. Потом вернулся, подплыл к ней и вдруг – она даже опомниться не успела – коснулся в воде ее груди, прижал к себе. Полина перестала плыть, доверившись ему. Обхватила Климова за шею. Их губы встретились...

Они вышли на берег вместе.

– Ты очень красивая!

Капли воды сверкали на загорелых телах.

– Я ошалел, увидев тебя вчера на берегу... Твое фантастическое тело... Грудь, опаленная солнцем, вишневые соски... Мне захотелось прикоснуться к ним губами... Смотри, какие капли здесь и здесь, – он коснулся рукой ее груди, – я хочу целовать тебя тут.

Полину знобило. От купания, утренней прохлады или от его невозможных серых глаз?

– Ты дрожишь! – заметил он. – Иди ко мне.

Она нашла силы отстраниться:

– Никита, пожалуйста, уезжай!

– Ты действительно хочешь этого?

– Да.

– Я не верю тебе.

Он поцеловал ее. Она вырвалась и побежала к поселку.

Данилов еще спал. Полина нырнула в кровать, пытаясь унять странную дрожь.

* * *

За утренним чаем обсуждали прошедший праздничный вечер. Сестры сошлись во мнении, что было весело и ужин в такой компании следует «повторить на бис». Маша призналась, что ей очень понравился Климов и она непременно влюбилась бы в него, если бы ее сердце не было занято «известно кем».

– Тип «мужчина-завоеватель». Пришел – увидел – победил, – усмехнулась Полина. – А вот женушка у него, судя по всему, стерва. Наш братец смотрит на нее как кролик на удава. Того и гляди породнимся!

– Вроде красивая женщина, а что-то в ней такое... Русалочье! – заметила бабушка. – Вся бледная, кожа словно светится, а говорит с таким чудным придыханием, будто три дня ничего не ела и к вечеру издохнет! Ох, бедный Андрюша, в таком-то омуте что только не водится! Тут тебе все волшебное Лукоморье, не заблудился бы в нем наш мальчик!

Татьяна укоризненно покачала головой:

– Мальчик уже вырос и сам со всем разберется! Маруся, ты нам лучше про своего Сашу расскажи!

Маша спохватилась:

– Девочки! Забыла вам сказать – Сашины стихи напечатали! Целых три страницы в толстом журнале!

Полина с иронией спросила младшую сестру:

– Ну и когда свадьба, Маруся?

Та в ответ презрительно сощурила глаза, возмущаясь подобной бестактностью, и унеслась на реку.

* * *

Татьяна смотрела вслед убегающей сестре. Маруся – ее любимица, гордость, вечная тревога. Сорвиголова Маша только кажется ангелочком с очаровательными раскосыми глазами, а на самом деле характер у нее не приведи господи! И в этих ангельских глазах с умопомрачительно длинными ресницами – пляшущие лукавые чертики. Как только Марусю принесли из роддома, стало ясно, кто теперь в доме хозяин – несносный младенец вопил денно и ночью, с ходу отменив привычный жизненный уклад всех домочадцев. Маленький Андрей даже как-то сказал, что от Маши ужасно много шума и неплохо было бы унести эту дрянь обратно, откуда взяли!

Она росла шумной, веселой, озорной, пела, танцевала, играла в школьном драмкружке. Училась отвратительно, таская домой исключительно тройки. Имела на все собственное независимое суждение плюс обостренное чувство справедливости – взрывная смесь. Девка шальная, отчаянная, характер – огонь! Если вспылит, полыхнет так, что мало никому не покажется. И с самого нежного, карамельного возраста излишне ранимая и эмоциональная.

Татьяна с бабушкой, на попечении которых осталась Маша после смерти родителей, с ней намучились. В подростковом возрасте Маруся оформилась в мятежную девицу и к тому же – красавицу. Высокая, тоненькая (фигурка кажется точеной), с пухлыми губками, словно феи ей их красивыми бантиками завязали, так, чтобы всем понятно было: эта девочка особенная! И те же феи расчесали Маше волосы, отчего они всегда пышные, густые, с золотым отливом и ложатся красивой волной без всяких ухищрений хозяйки. Вот Татьяне, чтобы причесаться, приходится потрудиться: что-то соорудить на голове, укладывать, лучше с помощью парикмахера. А Машке – нет. Утром встала, расческой по волосам прошла – пряди ровно легли. Королевишна! Глаза у Маруси серые, немного раскосые – рысьи. И обалденные длинные ресницы.

Ох и переволновалась старшая сестра за свою обожаемую красавицу, когда та начала отстаивать независимость и право на ночные прогулки с кавалерами. Маруся и сейчас «дает прикурить»: пропадает в театральном институте до позднего вечера, крутит взрослый роман с бывшим одноклассником Сашей Бушуевым – торопится жить. Татьяна по-матерински переживает за сестру, и пусть у них разница всего в восемь лет – Маша до сих пор маленькая для нее. А еще она своей младшенькой по-настоящему гордится. Маруся мечтает стать большой актрисой и, сдастся Татьяне, – станет, поскольку у нее, кажется, действительно талант.

Татьяна беспокоится и за среднюю сестру, хотя та давно взрослая особа (как-никак двадцать пять лет!) и к тому же замужняя дама. С недавних пор Татьяна чувствует, что с Полиной происходит что-то неладное, да и Данилов ведет себя как-то странно.

Татьяна перевела взгляд на Полину, читавшую книгу, и спросила:

– Полиша, у вас с Ваней что-то случилось?

Та взглянула на сестру:

– Всею виной моя придури, Танечка! Ты же знаешь, что я законченная истеричка! Помнишь, какая я маленькая была? Сочиняла сказки о роковой любви с неизменно печальным концом, еще какие-то страсти. В десять лет девочка пишет такие истории, в двадцать пять она превращается в истеричную особу, а в тридцать окажется в сумасшедшем доме. Иногда я думаю, что вместо молока меня вскормили слезами и грустью.

– А что Иван?

Татьяна всегда симпатизировала Данилову, искренне считая, что сестре повезло с мужем: он не просто любит Полину – обожает ее.

– Ну что Иван?! Он, как ты знаешь, человек насквозь положительный, и вообще... Настоящий преданный пес!

Полина усмехнулась – зачастую наши недостатки и впрямь являются продолжением наших достоинств. На каком году супружеской жизни ей открылась эта грустная истина, она уже не помнит, но факт остается фактом: несомненные, неоспоримые достоинства мужа вскоре стали тяготить ее и без всякого на то основания раздражать. «Заскучала ты, матушка, заскучала. Ох, разразится на твою голову, Поля, буря!»

– Ты любишь его?

Полина ничего не ответила. Она встала из кресла, подошла к зеркалу, задумчиво оглядела себя.

– М-да... Выгляжу я сегодня, прямо скажем, не цветуще! Ну что же, придется компенсировать чертовским обаянием!

Зинаида Павловна вздыхала, глядя на внучек. «Неприкаянные они, непутевые – никак за ум не возьмутся. Хотя девки славные, таких еще поискать, но вот не ладится с личным, женским и у старшей, и у средней. Между тем Татьяне уже двадцать семь, пора бы и замуж... У Полины, даром что замужем и муж ее любит, тоже все не слава богу – слишком много суеты и непонятных метаний, отчего и ей плохо, и Ивану. Родила бы ребенка, глядишь, смысл и в браке, и в жизни бы появился... У Маши вообще одна дурь в голове – актерка, плясунья, попрыгунья-стрекоза. Ах, девки, девки, хоть бы у них все как-то устроилось, чтобы бабке помереть спокойно!»

А все-то их проблемы и метания, считала Зинаида Павловна, оттого, что ни в одной нет веры. А без веры какой свет? Так и будут спотыкаться и искать непонятно чего. Ведь и с ней так происходило по молодости, тоже бестолково металась, страдала, мучилась, ничего ни про себя, ни про жизнь не понимала, а после смерти мужа словно бы очистилась страданием и уверовала. В сорок лет тайно крестилась в православие, после чего большая часть сомнений, страхов и обид, адресованных мирозданию, прошла сама собой. Но навязывать свои убеждения внукам она не хочет. У каждого собственный путь к вере, ибо сказано: никто не уверует иначе, чем по воле Творца. К ним все придет в свое время.

– Бабушка! О чем ты думаешь? – спросила Татьяна. – О нас, да?

– О вас! – кивнула Зинаида Павловна. – О том, что вы дуры набитые!

– Ну, здравствуйте! – фыркнула Полина. – Почему это мы дуры?

– Ты действительно хочешь услышать, что я о тебе думаю? – усмехнулась бабушка.

Полина отбросила колоду карт и демонстративно уставилась на бабуку:

– И что же ты обо мне думаешь?

– Я думаю, что в тебе, Полиша, много суеты. Чего-то ищешь, а чего – и сама не знаешь. Ну что ты мечешься? Чего хочешь? У тебя все есть для счастья – красивая, молодая и умом Бог не обделил, а главное, рядом человек, который тебя любит!

– А что делать, если вдруг появились сомнения в том, что рядом тот человек, который предназначен тебе? Твой человек?! – сухо спросила Полина.

Бабушка Зинаида пожала плечами:

– Не надо сомневаться. Надо верить, и все.

– Во что верить-то? – выкрикнула Полина.

– В то, что эти твои сомнения от лукавого, так... Бесовня, суета... Минутное помутнение. Потом пройдет, и станет все хорошо. Так у всех бывает. В семейной жизни без этого не обходится – слишком много соблазнов вокруг. И со мной так было. Я много раз собиралась уйти от вашего деда или послать его куда-нибудь – с глаз долой из сердца вон. А потом его арестовали. И я поняла, что поползла бы за ним на край света, хоть куда, только бы его вернуть... Во что, говоришь, верить? В то, что вас с Иваном Бог соединил.

Полина вздохнула:

– А если я тогда ошиблась? Поверила в то, что Иван мой человек, а на самом деле тогда еще и не знала того, кто мне предназначен? Тогда как?

Бабушка внимательно посмотрела на внучку и покачала головой:

– Ох, Поля, сдастся мне, ты какими-то опасными мыслями полна. До краев. Не к добру это.

Глава 3

Маша сидела на берегу реки и радовалась ветру, который развеивал ее волосы, солнцу, плывущему вдалеке пароходу. «Пусть пройдет десять, двадцать лет, я никогда не изменюсь, не стану рассудительной и взрослой. Я буду проживать каждый день так, словно он последний, остро чувствовать жизнь, опьяняться ею!»

Машу отвлекли от раздумий – кто-то коварно подкрался сзади и закрыл ее глаза теплыми ладонями. Она хихикнула, мгновенно узнав шутника, счастливо выдохнула любимое имя.

Саша Бушуев разжал ладони.

– Как ты нашел меня?

– Ноги сами принесли! Прямо с электрички сюда, на берег. Знал, что ты тут сидишь и мечтаешь.

Саша с Машей дружат с первого класса, десять лет просидели за одной партой. Маша – адресат Сашиной лирики, его муза. «Что у тебя с ним?» – как-то спросила сестру Татьяна. «Все!» – честно призналась Маша.

Самое смешное, что это она первой влюбилась в Сашу. Еще в далеком детстве. Он был красивый, как принц, голубоглазый, кудрявый, и Маша не устояла. Она трогательно завоевывала его любовь, подкупала конфетами, книжками, игрушками, вот только что не носила его портфель. А мальчишка позволял себя любить, не более. В шестом классе все переменялось – Саша влюбился в Машу. Теперь он дарил ей подарки и добивался ее внимания. Маша упорно не отвечала на чувства парня, пропадала в театральном кружке и влюблялась во взрослых артистов. А на выпускном она вдруг охнула: «Какой Саша красивый! Высокий, тонкий, похож на актера Стриженова в фильме «Сорок первый».

И все – с того дня они практически не расставались. Саша Бушуев всегда был рядом. Надежный, преданный, нежный. Ей, впрочем, вскоре захотелось чего-то другого – непреодолимых препятствий, разлук, любви с ознобом и температурой, сильной и опасной. Маше нравилось поддразнивать Сашу, заставлять страдать. Ей кажется, что в топку огня их любви надо постоянно подбрасывать дрова, чтобы поддерживать пламя, без которого их отношения станут пресными. Маша старается – порой она делается нарочито холодной и безразличной, иногда намеренно вызывает у Саши ревность. И радуется, видя, что он переживает, находя в этом подтверждение его любви.

– Иди ко мне! – тихо сказал Саша.

Она вздрогнула – ей хорошо знакомы эти «особенные» интонации любимого голоса.

– С ума сошел? – притворно сердито возмутилась Маша.

– Я соскучился! – хмыкнул Саша.

– Не здесь!

– А когда? Мы уже две недели не... – Он вздохнул.

Маша рассмеялась:

– Никогда! Бушуев, а давай у нас с тобой будут братские отношения?!

– Тебе нравится меня мучить? – Он усмехнулся.

Маша сделала «серьезное лицо».

– Зачем омрачать нашу дружбу пустыми страстями?

– Актриска, дрянь! – возмутился он. – Мне кажется, ты все время забываешь, что жизнь не сцена, и играешь чью-то роль. А со мной не надо играть. Я очень люблю тебя, Маруся... Тебя, а не придуманную тобой героиню.

– Прости. – Она коснулась его руки. – Я сейчас в спектакле репетирую Офелию! Сплошной надлом и трагедия! Даже стыдно за собственное счастье! У нас с тобой все так хорошо! А разве без опыта страдания я стану великой актрисой? Великой актрисе нужны переживания,

накал чувств, а с тобой, Саша... Все спокойно, стабильно! А мне роль Ларисы в «Бесприданнице» предложили! Ну как я смогу ее сыграть?! Хотя бы мы с тобой поссорились, что ли!

– Не надейся! И вообще, к черту этих истеричных баб! Ларис и Офелий! Будешь играть поросенка, чем плохо?

Маша вспыхнула – ее актерская карьера началась с того, что прошлой зимой она сыграла поросенка на детской елке.

– Очаровательная, кстати сказать, была хрюшка, – засмеялся Бушуев, – розовая, хрюкала громче всех! Сплошное обаяние и радость, и никаких переживаний, от которых потом топятся. Хочешь вина?

Она кивнула. Саша усадил ее к себе на колени. Достал из сумки бутылку.

– Как хочется дождя! И бегать под его струями, как в детстве! – хихикнула Маша.

Саша загляделся на девушку – ее длинные, распущенные волосы раздувает ветер, от солнца они кажутся золотыми. Сто лет бы смотрел! Как Саше нравится ее привычка закрывать глаза так, как сейчас, – она поднимает брови, отчего глаза становятся огромными и удивленными. Парню в голову приходят строки:

Как свод твоих бровей разительно похож
На лук натянутый в руках у Купидона...

Она взяла у него журнал, перечла напечатанные стихи, наверное, уже в сотый раз.

– Когда ты станешь знаменитым, непременно повезешь меня в Париж. Говорят, там есть праздник ландышей...

– Да, Маруся! Мы будем гулять по Елисейским Полям, слоняться по Монмартру, я куплю для тебя платье у Кардена и напишу свои лучшие стихи!

– Когда-нибудь все будет именно так! Ах, как хорошо, Саша, как хорошо жить! Непременно сочини летние стихи! Чтобы зимой их, как банку с вареньем, открыть и представить лето, теплое, золотое, как спелая облепиха. Лето! Схватить бы его за яркий зеленый хвост! Хочется чувствовать его, вдыхать запах полыни и мяты, вслушиваться в шум сосен, бродить в ярком поле солнечных подсолнухов, глядеть на июльские звезды, слышать зов этого лета! Мне кажется, нынешнее лето особенное – зовущее к любви.

Она поцеловала Сашу. Тот с готовностью откликнулся на поцелуй.

Маша закричала, показывая рукой в небо:

– Смотри! Дельтаплан опять летает!

С некоторых пор в небе над Березовкой стал появляться дельтаплан. Часто, сидя на берегу, Маша с Сашей следят за его полетом. Иногда девушке видятся сны, в которых она летит вместе с пилотом над поселком и дальше, над рекой. Может быть, над самим Петербургом с его крышами, ангелами, львами.

Наверху будто услышали Машино пожелание, и небо обрушилось на землю потоками летнего дождя. Влюбленные стояли под ливнем, мокрые, одуревшие от счастья, и вдохновенно целовались.

* * *

В доме и в саду тихо – все разберлись: кто ушел в лес, кто на реку. Татьяна расположилась в саду с томиком любимых стихов и наслаждалась тишиной, поглядывая в небо, где неторопливо плыли белоснежные облака-корабли. В Березовке ей дышится легко и свободно, потому что здесь воздух, который «можно пить», зеленка «священного леса», начинающегося прямо за забором; здесь ветер качает ошеломительно синий дельфиниум, такой же роскошный и буйный, как на картинах Грабаря; здесь растут королевские лилии дивной красоты и тянутся

к солнцу взбесившиеся флоксы – здесь дом ее детства. Приезжая к бабушке, она перемещается в другую жизнь, календарь которой измеряется не числами, а временами. Время цветения сирени, жасмина и ирисов – раннее лето. Красуются пионы – на дворе середина июня. Расцвели розы и лилии – наступил июль, который побалует и ягодами, и зреющими под солнцем яблоками. В августе плоды рябины наливаются соком, уже тая в себе осеннюю грусть. И последние печальные астры как приговор – пришла осень.

Рядом с ее креслом в цветнике танцевали сиреневые стрекозы, жужжали деловитые шмели. Залюбовавшись этим энергичным танцем жизни, Татьяна подумала, что летом в деревне она словно попадает в звенящий вихрь, какой-то круговорот жизни: жуки, муравьи, стрекозы, осы, бабочки летают с бешеной скоростью, здесь все торопится жить! В деревне вообще гораздо острее чувствуешь жизнь. Понаблюдав за насекомыми и растениями пару дней, в какой-то момент понимаешь (и это как вспышка сознания), что под тобой, над тобой, рядом с тобой – тысячи жизней... Здесь острее чувствуешь смерть, потому что осенью на твоих глазах разыгрывается трагедия: мураши, цветы – все, что жужжало, звенело, тянулось к солнцу, умирает.

Татьяна знает, что лето в Березовке дает ей запас энергии и сил на целый год. Летние воспоминания, заботливо закупоренные в банку, вместе с крыжовником из бабушкиного сада можно открыть в самый промозглый петербургский вечер, когда за окном такая непогода, что кажется, будто бледный всадник уже протрубил. Откроешь – и снова увидишь, почувствуешь небо-океан, рассветы-закаты, сирень и дельфиниум, и накатит тогда знакомое летнее ощущение радости.

Среди облаков вдруг показался дельтаплан. Татьяна долго следила за его виражами, чувствуя, как на нее наплывает густое, очевидное счастье... Счастье, потому что здесь солнце, шмели, правильные книги, вареники с вишней, пирожки с черникой и ощущение, что лето будет длиться вечно.

* * *

Маша с Сашей вернулись с реки к полудню. Татьяна с бабушкой пили чай на веранде. На столе в вазе красовался огромный букет сирени.

Увидев Бушуева, бабушка расплылась в улыбке – она знала Сашу с детства и относилась к нему с большой теплотой.

– Как здоровье, бабушка?! – осведомился тот.

Бабка Зинаида усмехнулась:

– Уж какое здоровье, молодой человек, в мои-то годы! Как говорится, в таком возрасте и зубная боль – кокетство!

Маша показала бабушке журнал с напечатанными стихами Бушуева.

Зинаида Павловна углубилась в чтение.

– Ух ты, какая сирень! – Маша тут же начала искать пять лепестков на счастье. Не для себя – для Татьяны. Через минуту раздался радостный вопль: – Вот я счастливая! Второе чудо за сегодняшний день! Нашла! Надо съесть, чтоб желание исполнилось! Ешь, Танька!

– Ну тебя! – отмахнулась сестра.

– Как хотите! Буду счастливой за вас всех! – Маша быстро сжевала цветок и сообщила, что она загадала желание стать знаменитой актрисой, которое теперь – ха! – точно исполнится!

Запустив ложкой в вишневое варенье, девушка сообщила сестре, что достала чудесный журнальчик мод, и Татьяна просто обязана сшить ей на лето легкомысленный сарафанчик, «такой синенький в желтых бабочках!».

– Ле-то! Ни о чем не думать и глядеть на облака, пароходы и чаек! – сказала Татьяна, любуясь сиренью. – Будем варить вишневое варенье и лепить вареники с вишней!

– А пирожки с черникой?! – пискнула Маша.

Татьяна рассмеялась:

– Непременно! Ах, как хо-ро-шо! «И крыжовник растет!» Я, как чеховский герой, совершенно помешана на нем. Вот растет в нашем саду эта ягода, и, значит, все в порядке!

От переполнявшей ее радости Маша закричала:

– Я тоже люблю крыжовник! И стихи твои, Сашка, люблю! И вас всех люблю! – Она затанцевала и запела: – Лето, ах, лето! Лето звездное, будь со мной!

* * *

Они сидели в саду. Андрей не сводил с Лены влюбленных глаз. Он еще ни к кому не испытывал столь сильных чувств. «Влюблен по самые уши, без всякой надежды на спасение, – понял Андрей, – да и не надо никакого спасения! А надо быть с ней рядом. Всегда. Любить, оберегать, сделать ее счастливой!»

Лена лукаво смотрела на Андрея, прекрасно осознавая свою власть над ним. «Забавно... Смотрит на меня так, будто я произведение искусства... И кажется, готов исполнить любую прихоть! Какой все-таки смешной! Хотя, если его переодеть, поменять прическу, он преобразится. Кстати, Климов уверяет, что Андрей станет большим ученым... Из него, видимо, можно веревки вить: покладистый, трогательный и недотепа, каких поискать, – битый час рассказывает о собственной диссертации и не понимает, что это никому не интересно».

Лена снисходительно улыбнулась:

– Ты так увлекательно рассказываешь!

В голосе восхищение... Она нежно коснулась его руки.

– Тебе правда интересно? – обрадовался Андрей.

– Разумеется! Меня интересует все, что связано с тобой!

«Чуткая, тонкая! Наивные детские глаза, хрупкая фигура! – Андрей чувствовал, что его переполняют восторг и нежность. – Она необыкновенная!»

– Елена, прошу тебя остаться у нас еще на несколько дней! – робко сказал Андрей, понимая, что от ее ответа зависит его счастье.

Лена грустно вздохнула:

– Остаться? Но ведь твои родные ждут не дождутся, когда я уеду!

– Все изменится, вот увидишь! – заверил Андрей. – Тебя невозможно не любить! Они скоро поймут!

* * *

– До чего вкусные пироги! – восхитился Климов, подкладывая себе третий кусок. – Дорогие мои, а вы недурно устроились! И вообще, это ваша Березовка просто рай на земле: прекрасный сад, речка! Право, я бы поселился здесь!

– Никита, вы можете приезжать к нам, когда захотите! – улыбнулась Маша. – Считайте этот дом своим!

– Спасибо, – кивнул Климов.

Маша поспешила поделиться с ним своей радостью:

– Представляете, Сашины стихи напечатали в журнале!

Бушуев смущенно заметил:

– Маш, да что ты все с этими стихами?!

Климов поинтересовался не без доли иронии:

– О чем пишете, молодой человек? О любви, должно быть?

Маша, уловив его насмешливую интонацию, с вызовом ответила:

– А о чем еще писать? О любви! О том, что жить надо только так – навзрыд, будто прощаясь со всем!

Климов, улыбаясь, смотрел на Машу – как она молода! Наивные глаза, детские ямочки на щеках, искренний запал юности. А мальчик-поэт так очевидно влюблен в нее! Любовь... Они еще не знают, что только в восемнадцать лет кажется, будто с уходом дорогого человека из твоей жизни рушится мир. К тридцати такие вещи переосмысливаются – ты смотришь на людей как на попутчиков в автобусе: жизнь идет, автобус едет, ты привыкаешь к этим людям, может быть, даже любишь их, но при этом ясно понимаешь, что они могут выйти на любой остановке, когда захотят, а ты отправишься дальше.

* * *

Танцующей походкой к дому приближался человек странной наружности. Создавая эту человеческую особь, природа определенно не рассчитала пропорций – рост и масса вступали в явное противоречие, отчего человек выглядел долговязым и нескладным. Длина ног, начинающих расти, кажется, сразу после широкого, похожего на птичий клюв носа, делала его похожим на кузнечика. Человек-кузнечик обладал чрезвычайно живым лицом с сильно развитой мимикой и выразительными глазами зелено-желтого цвета. Рыжие его кудри торчали во все стороны из-под серой кепки. Молодого человека звали Юрием Клюквинным. В доме Басмановых его принимали как друга семьи, внучатого племянника бабушки и заодно – придворного шута.

Как и положено последнему, Клюквин заранее подготовил набор шуток на сегодняшний вечер и разработал сценарий эффектного выхода «в гости». Войдя в гостиную Басмановых, он честно предупредил:

– Буду всех веселить!

Присутствующие вздрогнули, без особого энтузиазма встретив сделанное заявление.

Клюквин громко то ли завыл, то ли запел:

– Тюлени плыли на юг! Тюлени сделали круг! Тюлени сделали два, а юга нет: АААААА!

– Юра, угомонись! – рассердилась Зинаида Павловна.

Клюквин подошел к ней, нежно поцеловал в обе щеки:

– Бабуленька! Я вам конфет привез!

– Юра, садись с нами пить чай! – пригласила Татьяна.

Клюквин уселся за стол.

– Это кто? – спросила Лена Лаптева с интонацией «это местный идиот?».

Маша с вызовом ответила, что Клюквин – друг их семьи.

Что правда – то правда, Юрия в семье Басмановых любили и жалели. Кроме Зинаиды Павловны, близких у него не было. Он приходился ей дальним родственником по линии мужа. Впрочем, родство их обнаружилось не сразу, и большую часть детства Юрий провел в интернате. Уже потом, когда бабка Зинаида узнала о его существовании, Юра стал жить у Басмановых. Сестры привязались к нему. В особенности Маша. Оба увлечены театром и устраивают для домашних настоящие спектакли.

Похоже, что и в этот вечер Клюквин решил устроить спектакль. Он подмигнул Лене и выдал очередную порцию остроумия:

– Пошли к лешему, он мужик зажиточный, шоколад ест плиточный!

Лена вздрогнула и взглянула на него чуть ли не с испугом.

Климов восхищенно заметил:

– Слушайте, маэстро Клюквин, вы воплощаете в жизнь гениальный прожект – стать сумасшедшим! Признаться, я вам завидую!

Полина, разглядывая серебряные браслеты на руках, задумчиво произнесла:

– А мне кажется, что стать сумасшедшим в наше время единственно честный поступок. Одну старушку из соседнего двора увезли недавно в сумасшедший дом – она держала в своей квартире двадцать дворняг различных мастей и расцветок, подбирала их на помойках, лечила. Соседям надоело терпеть, и они вызвали психбригаду – старушку увезли, а собак забрали на живодерню. От такого торжества разума хочется умереть или податься в юродивые...

Климов, улыбаясь, смотрел на Полину. Лена Лаптева едва не покачала головой: похоже, что они все тут ку-ку, «сиди – я сам открою»! Ну и семейка!

– Леночка, берите, пожалуйста, пирог, – предложила Татьяна.

Лена вежливо отказалась. Андрей с нежностью отметил: она такая скромная, стеснительная!

Клюквин, зажмурившись от удовольствия, попробовал малиновое варенье:

– Ох, хороша ты, ягода малина! А мне, представьте, сегодня всю ночь снились рыжики!

– Какие рыжики? – недоуменно переспросил Данилов.

– Грибы такие, – пояснила Маша.

Клюквин громко закричал:

– В Рязани грибы с глазами. Их едят – они глядят! Не желаете ли анекдот, господа? Извольте: «Вчера бегал за хлебом!» – «Ну и как, догнал?» Аха-ха!

– Юра, тебе надо идти в театральный! – засмеялась Маша. – Тем более что актерский опыт у тебя есть!

На самом деле Клюквин уже несколько лет на пару с Машей принимает участие в спектаклях на детских елках. А в основное время работает продавцом в коммерческой палатке на Сенной.

– Марлона Брандо из меня, может, и не получится, – хихикнул Клюквин, – а лешего сыграть на детском утреннике – пожалуйста! Или созорничать! Да вот смотрите!

Свесившись с веранды, Клюквин проорал мирно дремавшей на крыльце собаке:

– Эй, Балалайка!

От неожиданности та вздрогнула и вскочила.

– Балалайка! К тебе пудель пришел!

Собака недоуменно глядела на Клюквина, явно не понимая, что ему от нее нужно.

– К тебе гость пришел! Пудель! – повторил Клюквин.

Бабушка усмехнулась:

– Сам ты пудель! Ума точь-в-точь как у него!

Собака, подняв уши, горестно смотрела на Клюквина. А он вдруг залаял на всю деревню, да так убедительно, что его лай тут же подхватила Балалайка, за ней затыкал пес Хреныха, Бублик, следом подтянулся соседский пудель, и понеслось – зазвучал по деревне веселый собачий хор. Неожиданно калитка отворилась, и во двор вошел старик Хреных.

– Что ты хулиганишь, рыжий черт? – погрозил он Клюквину.

Татьяна пригласила соседа к столу. Хреных обстоятельно поздоровался со всеми. Обращаясь к бабушке, он вынул из полотняного мешочка большой пучок травы, перевязанный ниточками:

– Вот тебе, Павловна, целебная травка от ста недугов!

За чаем с пирогами старик осведомился о бабушкином здоровье.

– Что вы меня все о здоровье спрашиваете? Каждый непременно первым делом про здоровье пытается! – усмехнулась бабушка. – Какое там здоровье в нашем возрасте, сосед?! Пыхчу потихоньку. Жаль, что мы не в средневековой Японии живем!

– Это почему? – заинтересовался Хреных.

– А там было принято таких стариков, как мы с тобой, относить далеко от человеческого жилья и оставлять помирать. В сущности, правильно. И гуманно. Я в последнее время часто Андрею говорю: снес бы ты меня, милый, куда-нибудь подальше!

По лицу бабушки было непонятно, шутит она или говорит серьезно.

– Да ты что, Павловна? – испугался Хреных.

– Ладно, не бойся! – махнула рукой бабка Зинаида. – Нас с тобой будут мариновать до последнего, пока уж совсем в труху не превратимся, потом снесут, куда положено, поплачут, а после успокоятся – и жизнь пойдет своим чередом, слава те Господи.

* * *

В доме остались бабушка, Хреных и Клюквин. Последний сподобился уснуть прямо за столом и похрапывал. «Фьють, фьють, х-р-о!» – выводил он, словно большая диковинная птица.

Бабушка, поглядев на него, улыбнулась:

– Ух, чудо рыжее! Намаялся дурака валять! Пусть отдохнет! – Потом перевела взгляд на Хреныха и усмехнулась: – А чего ты, батюшка, позволь узнать, так вырядился?

На Хреныхе сегодня и впрямь лучшая рубаша с вышитыми красными маками. Седые волосы старика, обычно всклокоченные, нынче аккуратно приглажены, видно, что он серьезно готовился к посиделкам с соседкой. По вечерам они частенько вместе пьют чай и разговаривают про жите-е-бытье. К Зинаиде Павловне Хреных относится с большим уважением: «Зинаида – человек степенный и повидала всякое, много в ней житейской мудрости! К тому же огромной культуры женщина! В больших и малых драматических театрах работала! С народными артистами запросто разговаривала!»

Хреных как-то разоткровенничался с Татьяной, сказал, что с ее бабушкой беседовать – одно удовольствие. А для Зинаиды Павловны соседский старик – выходец из «народа». Их приятельские отношения – тот случай, когда интеллигенция в лице бабки Зинаиды и народ в лице старика Хреныха нашли общий язык и мирно сосуществуют.

Благодаря соседу Зинаида Павловна не чувствует себя одинокой, когда внуки уезжают в город. Старик как-то даже пытался приударить за бабушкой, но та подняла незадачливого ухажера на смех и решительно пресекла его ухаживания.

– А маки так и горят у тебя, Хреных! – расхохоталась Зинаида Павловна.

Старик налил шестую кружку чая, обстоятельно размешал сахар.

– На Фалалея-Огуречника огурцы сажать буду! Давай, что ли, песню затянем, – предложил Хреных, забыв о безмятежно спящем Клюквине. – Вот хорошая песня, душевная!

Хреных запел старческим дребезжащим голосом:

– Все подружки по парам в тишине разбредились...

Бабушка подхватила неожиданно сильным сопрано:

– Только я в этот вечер засиделась одна!

Песней разбудили Клюквина. Он испуганно вскрикнул:

– Где я?

* * *

Стемнело, на противоположном берегу реки горели огни. Климов смотрел на Полину. Она стояла у обрыва, задумчиво глядя вдаль. Изящный профиль на фиолетовом фоне вечера... Он попытался отгадать, о чем Полина сейчас думает, и тут же оставил эту затею: сей загадочный сфинкс казался абсолютно непостижимым. Странно, первый раз в жизни Климов захотел всецело обладать женщиной, а та недосягаема, как звезда, и холодна, как айсберг. В сущности, что он знает о ней?! Подводная часть айсберга скрыта. Снаружи Полина – иронична, умна, остра на язык, но... Откуда отчаянная тоска во взгляде? Обнять бы Полину так сильно, чтобы звякнули браслеты на тонких запястьях, растопить лед, зажечь огонь в грустных глазах, иску-

сать губы, застывшие в насмешливой улыбке, увидеть подводную часть айсберга. Такие женщины созданы для того, чтобы из-за них устраивать войны и совершать безумства. Он готов отдать все, что имеет, включая бессмертную душу, за каплю ее благосклонности.

...К Полине подошел Данилов и набросил жене на плечи свою куртку.

– Совсем замерзла, – улыбнулся Иван, – руки холодные, давай согрею.

Он принялся растирать ей ладони.

Полина оглянулась и увидела, что Климов смотрит на них.

– Иван, перестань! – с неожиданным раздражением сказала она.

– Что с тобой? – грустно спросил Данилов. – Злишься на меня за что-нибудь?

Он всегда терялся, чувствуя ее гнев.

Она мгновенно смутилась:

– Прости!

Теперь Полина рассердилась на Климова – какого черта он пялится?! Какого черта позволяет себе грубо вторгаться в ее жизнь! Завтра же она уедет в город и не вернется, пока Климов будет в Березовке.

– Пройдемся? – предложила Полина, взяв мужа под руку.

Они пошли в сторону лодочной станции. Климов задумчиво смотрел им вслед.

– Что такой грустный, старик? – спросил Андрей.

Лена хихикнула:

– Тебе это не идет, Никита! Выглядишь очень глупо!

Климов рассмеялся и закурил.

– Смотрите – сейчас будет ливень! – закричала Маша.

Раздались раскаты грома.

Глава 4

Маша уже легла, когда раздался стук в дверь.

– Кто? – испугалась она.

В эту ночь был один пароль: «Саша!»

– С ума сошел? – притворно строго спросила Маша.

– Открой! – потребовал юный герой-любовник.

Она приоткрыла дверь и посоветовала ему убраться подобру-поздорову. Но сильные руки героя поднажали на дверь, сметая сопротивление. Через секунду Бушуев ворвался, схватил Машу и закружил ее по комнате.

– Ты спятил! – рассердилась девушка. – Зачем пришел? Рядом спит Татьяна, если она услышит, что подумает? Что я по ночам принимаю... всяких!

– Во-первых, я не всякий, во-вторых, буду вести себя тихо!

– Ты что же, собрался ночевать здесь?!

– Да! Мне страшно, там гроза, – заныл Саша, покатываясь со смеху. – Пусти! Я тебе стихи читаю.

– Стихи?

– Ага! Поэта Басе!

– Ладно! Черт с тобой, можешь остаться! Только чтобы никаких приставаний!

– Жестоко, но придется согласиться!

– Между нами будет лежать кинжал!

Они пили вино, закусывая черешней. Выглядела Маша довольно своеобразно – полное ну, а за ушами, будто серьги, висят черешни. Саша читал ей вслух Басе. Наконец книжка упала на пол...

– Это твоя половина, это моя! – указала Маша, чертя на кровати невидимую демаркационную линию. – Между нами кинжал, и ты не смеешь до меня дотрагиваться!

Саша вздохнул, отчаянно желая преодолеть установленные границы и оказаться в эмиграции.

– Можно я напишу одно слово?

– Где?

– На тебе!

На ее голом животе он нежно выводил пальцами какие-то буквы.

– Щекотно! – рассмеялась Маша. – Что ты написал?

– Слово «вечность».

– Как мальчик Кай?

– Нет. Это признание в том, что я буду любить тебя вечно.

Она потянулась к нему губами.

– Эй, это моя половина! – засмеялся Бушуев. – Поранишься о кинжал!

– Да ну его к черту!

Слово «вечность» Саша выводил на бедрах любимой до самого утра.

Утром, осторожно выходя из Машиной комнаты, Саша нос к носу столкнулся с Андреем.

– Надеюсь, ты знаешь, что теперь как честный человек обязан сделать? – улыбнулся тот.

– Готов, – кивнул Бушуев, – хоть сейчас готов взять вашу сестрицу за себя. Дело за малым – осталось уговорить ее. Она почему-то вбила в голову, что счастливая семейная жизнь и амплуа великой актрисы – вещи несовместимые.

– А мне кажется, семейная жизнь – это замечательно! – мечтательно протянул Андрей. – Я, брат, сам подумываю остепениться! Ты в город? Кстати, мы с Леной тоже едем, тебя подбросить?

– Не откажусь. Мало приятного тащиться на электричке.

– Маруся, ты собираешься выходить замуж? – спросила Татьяна, когда младшая сестра вышла к завтраку.

– С чего ты взяла? – удивилась Маша.

Старшая сестра смутилась.

– А... Понятно, – насмешливо протянула Маша. – Ну, если ты об этом, то можешь не волноваться. Мы с Сашей любим друг друга, но замуж я пока не собираюсь, заводить детей – тем более! Правила безопасного секса, не волнуйся, мы соблюдаем. В ближайшие пять лет в мои планы входит только учеба, а в ближайшие двадцать – карьера, театр и кинематограф.

– А Саша будет ждать?

– Куда он денется! Слушай, Танька, какой хороший поэт Басе! Я и не знала! Ночи бы напролет читала!

* * *

В этой галерее Полина работает уже два года. Когда она покинула балет, пришлось срочно подыскивать себе занятие. Время бежало, а Полина не могла определиться с выбором и находилась в полной растерянности, поскольку никогда не думала, что ей придется заниматься чем-то иным, кроме балета. Наконец бывший ученик отца предложил поработать в художественной галерее, недавно им открытой. Она согласилась, так как любила живопись. Платили Полине не слишком много, однако ее заработок превосходил скромную зарплату врача Данилова. Работа была несложной – болтать об искусстве с интуристами и предлагать им кофе.

...Сегодня посетителей не оказалось, и она скучала. Взгляд остановился на любимой картине «Странные танцы». Полина может часами разглядывать эту картину, порой ей хочется уйти туда, в придуманный странный мир, и навсегда там остаться. Она с удовольствием купила бы ее, если бы не слишком высокая цена. Они с Даниловым не могут позволить себе такие траты.

Какое солнце... Наверное, в Березовке сейчас хорошо! Сегодня пятница, вечером можно было бы поехать в поселок, но она не поедет. Из-за Климова. Она должна быть непреклонной и сильной, не отступать от принятого решения никогда больше не видаться с ним! Даже если ей придется отказаться от визитов в Березовку на все лето!

Данилов вчера уехал на медицинскую конференцию в Москву. Полина рада этому – она любит оставаться одна. Впрочем, так было не всегда... Когда-то она нуждалась в постоянном присутствии Ивана, который спас ее любовью и заботой. То были тяжелые времена – смерть родителей, придавившая Полину грузом огромного горя, автомобильная авария, в которую она попала в том же году, травмы, лечение; ей пришлось оставить балет, что стало для нее настоящим потрясением (она занималась балетом с пяти лет, не мыслила себя вне искусства, и вдруг все закончилось так неожиданно и нелепо). Начались психологические проблемы – она боялась оставаться одна, не только ночью, но даже днем. В ход пошли мощные успокоительные средства, потом транквилизаторы. Ей не хотелось жить, но она стеснялась признаться в своей слабости кому бы то ни было.

Ей назначили курс лечения в местной поликлинике. Она приходила на прием к молодому, симпатичному, застенчивому доктору. Осматривая ее больную ногу, тот, задышавшись от смущения, спрашивал, не больно ли ей. Однажды, во время очередного приема, он вдруг стал гладить ее колено, потом наклонился и прикоснулся губами к коже. Полина вздрогнула, но не оттолкнула его.

– Эй, хирург, вы чего?

– Меня зовут Иван.

Его рука поднималась выше...

Через два месяца они поженились. Полина была благодарна Данилову, избавившему ее от одиночества. Она засыпала, положив голову ему на грудь, а если ей снились кошмары, Иван успокаивал ее и баюкал, как маленькую. Это было гораздо важнее любви.

Она оттаяла в его руках, и ей захотелось чего-то большего, чем покой, или прямо противоположного состоянию покоя. До сих пор Полина лишь смутно угадывала в себе это желание, но с появлением Климова осознала безжалостно ясно.

Зачем Никита появился в ее жизни? Полина знает, что встреча с такими, как он, приносит несчастье. Надо забыть о нем, держаться за мужа...

Размышления прервал звон колокольчика. Кто-то вошел в галерею. Она устремилась навстречу посетителю и ошолбенела. Перед ней стоял Климов.

– Какого черта?

Климов рассмеялся:

– Ты всегда будешь приветствовать меня этой фразой!

– Не вздумай соврать, что ты проходил мимо и зашел совершенно случайно!

– И в мыслях не было врать. Пришел намеренно, узнав у Андрея, где ты работаешь.

– Зачем?

– Чтобы увидеть тебя!

– Убирайся!

– Ты не можешь помешать мне насладиться искусством! Я люблю живопись!

Он прошел в зал, начал рассматривать картины. Полина следовала за ним, мрачная как туча.

– Здесь не очень приветливо встречают клиентов, – усмехнулся Климов, – а может статься, я что-нибудь куплю. Вон хоть этого... Кобылина! Нет, пожалуй, он слишком экспрессивен!

Климов подошел к столику, за которым до его прихода сидела Полина, заметил чашку с чаем.

– Чаек на рабочем месте, книжечка! Непыльная работа?

– Непыльная. Тебе, собственно, что надо?

– Чтобы ты поехала со мной в Березовку.

– С какой стати?

– Лето, выходные, в городе жарко!

– Если я и поеду, то со своим мужем.

– Мне сказали, он в отъезде.

– Ты шпионишь за мной?

Он расплылся в улыбке:

– Нет, хотя это неплохая идея! Не злись. На самом деле Андрей попросил отвезти тебя в деревню. Узнал, что я буду на машине, и попросил. Не веришь – узнай у него.

– Это ничего не меняет.

– Ты боишься меня?

Она отвернулась, чтобы скрыть смущение.

– Или себя? – Он развернул Полину за плечи и заглянул ей в лицо.

– Прекрати, ты ведешь себя очень нагло!

– Прощу – подумай! Машина у входа... Ты можешь поехать со мной или отказаться. Решать тебе. И если сейчас ты откажешься, я больше не буду преследовать тебя. В Березовке меня больше не увидят. Решай... Я пока, с твоего позволения, посмотрю остальные картины.

Он ушел во второй зал.

Полина понимала: сейчас решается что-то очень важное. Где найти силы отказаться от счастья?

Он вернулся через десять минут.

– У тебя здесь есть любимая картина?

– Да.

Она подвела его к «Станным танцам».

Климов кивнул:

– Я сразу обратил на нее внимание. Тебе, наверное, хочется уйти туда?

Она промолчала.

– Я хочу купить эту картину!

– Никита, перестань!

– Разве я не имею права что-то купить?

– Я знаю, ты хочешь подарить ее мне.

– С чего ты взяла? – усмехнулся он и, видя, как у Полины вытянулось лицо, сказал: – Шучу... Я действительно хотел подарить картину тебе! Лично я питаю пристрастие к другому жанру. Мне, видишь ли, всегда нравилась «Мадонна» Беллини.

– Картина стоит слишком дорого!

– Я как раз получил премию!

– Врешь!

– Вру! Но я действительно могу ее купить.

– Давай закроем эту тему.

– Хорошо! – неожиданно легко согласился он. – Откроем другую. Что ты решила?

Она молчала.

– Ты едешь со мной?

Как будто прыгая с обрыва, она вздохнула и полетела:

– Да.

... Не доезжая до Березовки, Климов вдруг остановил машину. Полина вздрогнула – она и ждала, и боялась этого.

– Я выйду, покурю, не возражаешь?

Полина вышла вслед за ним. Они стояли на берегу озера. Вокруг было красиво и тихо...

Полина нарушила молчание, спросив:

– А что будет дальше?

Он усмехнулся.

– Какой ответ ты хочешь получить? Что будет дальше?! Время, пространство, мы в них...

Но от тебя зависит, будет ли оно у нас общим. Если честно, я не знаю, что вам предложить, барышня... Поэтому – от отчаяния, что ли, – предлагаю все! Если ты хочешь, сейчас мы сядем в машину, свернем на другую трассу и уедем.

– Куда?

– Ну, хотя бы в Москву.

– И что?

– И никогда сюда не вернемся. Мы могли бы быть очень счастливы...

– Счастье? Вот так – сбежав, как воры? Нет, я не могу так!

– Понял. Глупых предложений больше не будет. Можно ехать!

Они вернулись в машину.

Полина не могла успокоиться – обаяние и сила, исходящие от него, заставили ее забыть обо всем на свете, она чувствовала себя как на американских горках: сердце то ухало, то замирало, ее бросало в жар и в холод. А что, если сейчас остановить машину и... Неужели все случится, произойдет? Она положила ладонь поверх его руки.

– Извини, ты мешаешь! Отвлекаешь от дороги, – насмешливо сказал он.

Полина коснулась его волос. Он упрямо дернул головой, отстраняясь почти грубо:

– Перестань! Хочешь попасть в аварию?

– Мне все равно, – ответила она, и это было правдой.

Полина сильно сжала его колено, тогда Климов резко затормозил, остановил машину и рывком притянул женщину к себе; от его поцелуев по телу пошли электрические разряды – неужели так бывает? Прежде она не знала этого. Они перебрались на заднее сиденье. Полина не могла больше противиться чувствам. Если бы он захотел, все произошло бы прямо здесь, в его машине, на таком-то километре загородного шоссе. Но... он не захотел.

Климов отстранил ее:

– Это будет не здесь и не сейчас.

– Почему? – изумленно прошептала она.

– Я не хочу терзаний в стиле Карениной, чтобы ты потом переживала случившееся как нравственное падение. Расскажи Данилову о своих чувствах открыто и честно, сделай нашу любовь чистым продуктом, без примесей вины и стыда. Я готов ждать тебя. Сколько надо.

Климов пересел в кресло водителя. До самой Березовки они молчали.

* * *

– Наконец-то все в сборе! – радовалась Татьяна, разливая чай. – Никита, какой ты молодец, что приехал! Мы к тебе уже привыкли, как будто ты член нашей семьи!

– Почту за честь войти в нее! – улыбнулся Климов. – Я отчаянно скучаю в городе без бабушкиных пирогов и шуток Клюквина!

Услышав его слова, ободренный Юрий закричал:

– Друзья, ко мне пришла отличная мысль! – Клюквин вдруг сморщился и застонал, схватившись за голову: – Ааа... Она ушла!!!

Все так и покатались со смеху.

– Кстати, мы с Юрой теперь репетируем детский спектакль, – сообщила Маша, – «Алиса в Стране чудес». С осени он будет идти в детском театре. Я – Алиса, Юра – Шляпник. Смотрите!

Маша с Клюквиным вышли на середину веранды.

– Да, – вздохнул Шляпник-Клюквин. – Все пьют чай в пять часов, вот и нам приходится. У нас все время – время пить чай, а времени помыть чашки нет.

...Когда они закончили, Полина усмехнулась:

– Прямо про нашу семью! Не все дома, но все пьют чай. И вообще... Вечный фэйф-о-клок. Всегда время пить чай. Хоть что будет происходить и нестись в тартарары, а Басмановы делают вид, что все в порядке, и наливают друг другу чай. То ли Кэрролл, то ли Чехов. Не пойму.

На веранде появился Андрей. Он был заметно оживлен и весел.

– Дорогие мои, у меня есть для вас потрясающая новость! Можете меня поздравить!

– Что такое? – заинтересовалась Полина. – Неужели тебе увеличили зарплату?

– Ты защитил докторскую! – всплеснула руками Татьяна.

– Я женюсь! – гордо заявил Андрей.

– На ком? – вяло спросила Татьяна, хотя все было и так ясно.

– На ком? – изумился Андрей. – Разумеется, на Лене!

Воцарилось всеобщее довольно кислое молчание. Потом Полина не выдержала и обернулась к Климову:

– Никита, скажи ему!

Климов развел руками и грустно спросил:

– Почему я что-то должен говорить?

– Ты все-таки был женат на этой... – Полина скривилась, – женщине!

– Ну да, – задумчиво протянул Климов. Потом достал сигарету и затянулся. – Видишь ли, старик, вы с Леной в некотором роде разные люди, и я не думаю, что тут может быть что-то... – Он запнулся.

– Ах вот как! – обиделся Андрей. – А я думал, вы за меня порадуетесь!

– Извини нас! – виновато попросила Татьяна.

На веранде появилась Лена. Ее встретили гробовой тишиной. Она растерянно посмотрела вокруг.

– Я сказал им, что мы женимся! – с издевкой пояснил Андрей. – Они оцепенели от радости!

Андрей взял Лену за руку и увел за собой в дом.

– Ну все, – сказала Маша, – конец!

– Каждый имеет право на свои ошибки! – вздохнул Климов.

* * *

Полина вошла в гостиную и увидела Татьяну, сидевшую в плетеном кресле-качалке.

– Доброе утро! Будешь завтракать? – спросила старшая сестра.

Полина с улыбкой согласилась. Сегодня она проснулась в чудесном настроении, ей отчего-то хотелось всем улыбаться и говорить приятности.

– Где остальные?

– Бабушка возится в саду. Маша еще спит. Климов уехал в город.

– Как уехал? Зачем?

– Не знаю, – пожала плечами Татьяна, – у него какие-то дела.

Настроение у Полины мгновенно испортилось.

– Я... не буду завтракать. Что-то расхотелось.

Татьяна внимательно посмотрела на сестру.

– А когда приедет Иван?

– На следующей неделе.

– Не боишься его отпускать? – шутливо спросила Татьяна. – Еще загуляет в Москве!

В ответ Полина неожиданно серьезно и мрачно произнесла:

– И хорошо бы! Хоть бы он наконец в кого-нибудь влюбился! Молоденькие медсестры выются вокруг него, а Данилов такой моральной стойкости, что его жене впору повеситься. Я, говорит, однолюб, мне никого, кроме тебя, не надо!

– Я не понимаю, – строго сказала Татьяна, – за что ты его осуждаешь? За то, что он любит тебя?

– Я не осуждаю, – тихо ответила Полина, – я просто не могу его любить!

Она развернулась и вышла из гостиной. Татьяна удивленно смотрела ей вслед.

...Полина сидела на берегу, на том самом месте, где в первый раз увидела Климова, и долго плакала от какого-то непонятного горя. Домой она вернулась уже после обеда. Тихонько, чтобы ни с кем не столкнуться, прошла в свою комнату и остолбенела. Напротив ее кровати на стене висела картина «Странные танцы». Полина, не сводя с нее глаз, села на кровать и опять заплакала. На сей раз не зная, то ли от счастья, то ли от горя... Так вот зачем Климов ездил в город! Ну да, галерея работает и сегодня, и ее сменщица Тамара продала Никите картину.

Она нашла Климова в беседке. Стараясь не смотреть на него, сухо поблагодарила.

– За что? – изумился он.

– За «Танцы»... За то, что ты есть! – Она вспыхнула и убежала.

* * *

Вечером пили чай с пирогами.

– Последний день мая! – сказала Маша. – Славно! Все лето впереди!

– Да, – вздохнула бабушка, – вроде только была зима, и от снега в саду не пройти, а уже лето на носу. Как быстро летит время!

Саша Бушуев отставил в сторону чашку с чаем, обрадовавшись возможности поразмышлять вслух на излюбленную тему.

– Время вообще странная категория... – задумчиво произнес он.

За столом переглянулись – ну ясное дело, поэт!

Саша, не замечая улыбок, продолжил:

– Я часто думаю о настоящем... Вот я сказал сейчас эту фразу, а она уже стала прошлым, а будущее... Где оно, наше будущее, записано?

Маша мечтательно вздохнула:

– Ах, если бы знать, что будет на земле лет через сто! Хотя так подумать – сто лет назад какие-нибудь люди так же пили чай и гадали о том, что будет на земле через сто лет! Совсем как мы...

Климов хмыкнул:

– Мы могли бы жить в двадцать третьем веке, использовать космические тарелки вместо такси, иметь две антенки – рожки на голове, ну и что? Все это чепуха. Люди всегда любят, страдают, грустят. Улыбаются, смеются, говорят глупости, как Клюквин. Принцип тот же!

А про себя Климов не без грусти подумал, что для него категории прошлого-будущего давно уже не существуют. «И вообще, не надо заглядывать в вечность, Машенька, – головка закружится!»

– Нам повезло жить в удивительные времена! – вдохновенно сказал Саша. – Вы только представьте – мы живем на стыке эпох! В этом году будем встречать двухтысячный год – новый век, новое тысячелетие!

«Славный мальчик, – улыбнулась Татьяна, – как горят глаза, ах, поэтическая душа!»

Полина вдруг тихо сказала:

– Эпохи, тысячелетия... Мне бы хотелось заглянуть вперед хотя бы на пять лет... Что с нами будет?

Часть 2. Чаепитие летнее

Глава 1

Пять лет прошло, и Полина получила ответ на свой вопрос. А вместе с ним – представление о работе времени.

На самом деле если бы Полину спросили, что изменилось в ее жизни за прошедшие пять лет, она в присущей ей ироничной манере ответила бы: лишь то, пожалуй, что у нее появился сотовый телефон и любовник. Вернее, в иной последовательности: сначала любовник, а потом телефон. Потому что мобильный ей подарил Климов для того, чтобы не звонить на домашний, к которому мог подойти Данилов. Так удобнее сохранять конспирацию.

Вот, например, сейчас она дома, а Климов позвонил на сотовый. Увидев высветившийся номер, Полина сказала мужу, что ей звонят из галереи, и закрылась в ванной, где, пустив воду, ответила на звонок.

– Привет, любимая! – радостно проорал Климов.

– Что-то случилось?

– Случилось! Четыре года назад! Ты хоть знаешь, какой сегодня день?

– Ну и?

– Тридцать первое июля!

– Невероятно! Никита, неужели ты помнишь?

– Представь себе! Мало того что я уже несколько лет храню данную тебе клятву и верность в придачу, так еще и оказываюсь куда более сентиментальным, чем ты, – помню трогательные даты!

Полина улыбнулась – ну конечно, тридцать первое июля! Как она могла забыть! Четыре года назад они вместе прошли насквозь свою первую ночь и вышли в солнечный рассвет, обещавший начало прекрасного дня и их новой жизни.

Это был удивительный день... Самый необычный за прошедший год, ибо ровно год Полина не видела Климова. В далекий майский вечер в Березовке, рассуждая о проблемах времени, могла ли она предположить, что так долго не увидит его и что на память о нем останется лишь картина «Странные танцы» и глухая боль в груди?

...В тот вечер Полине захотелось побыть одной. Данилов нашел ее в беседке в глубине сада.

– Поля, что с тобой?

– Просто взгрустнулось...

– Я так соскучился по тебе! Больше не поеду ни на какие дурацкие конференции!

Он поцеловал ее. Полине пришлось ответить на этот порыв нежности, и Климов, подойдя к беседке, увидел весьма пикантную сцену.

– Не спится, Никита? – спросил Данилов.

– Уже иду спать! Спокойной ночи! – усмехнулся Климов и ушел.

Полина вздохнула:

– Я очень устала, Иван! Пойдем в дом!

Утром она не то чтобы услышала, а почувствовала, что Климов уезжает, и заплакала. Тихо, чтобы не разбудить мужа.

Больше в Березовке Климов не появлялся. Татьяна посылала ему через Андрея приглашения, но он тем летом ни разу не приехал к Басмановым. Татьяна молчала, не задавая сестре лишних вопросов, но Полине казалось, что та обо всем догадывается.

Время шло... Полина пыталась преодолеть любовь, как болезнь, и была совершенно несчастна. Год показался унылым и монотонным. Галерея, дом, прогулки с Даниловым в парке по воскресеньям... Болезненную осень со слезами и переживаниями сменила бесснежная зима с тоской и ощущением вселенского холода; на смену ей пришла весна, наполненная смутными надеждами; затем лето с горьким осознанием их несбыточности. Круговорот времен в природе, в течение которого Полина была занята лишь одним – пыталась забыть Климова. Согласно буддистской практике, слово, произнесенное много раз, утрачивает смысл. Помня об этом, Полина повторяла имя Климова сотни раз, желая обратить его в ничто, но странное дело – оно сверкало и ничуть не блекло. Смысл не терялся. Напротив, смысла не было ни в чем другом, кроме этого имени. Она стала нервной и раздражительной, часто срывалась на Данилове. Тот молчал, переживая их ссоры.

Когда ей показалось, что она успокоилась и забыла о своих чувствах, любовь коварно вспыхнула с новой силой. Говорят, так бывает – перед агонией неожиданно может наступить ремиссия, больной сочтет, что близок к выздоровлению, и тогда болезнь накинется на него с новой силой.

Тот летний вечер Полина собиралась провести дома. Она приняла ванну, налила себе чай. Неожиданно позвонил Андрей. В разговоре он между делом сообщил, что видел вчера Климова и тот спрашивал о ней. Полина едва не выронила трубку – нет, ничего не произошло! Ей неудержимо захотелось увидеть Никиту. Забыв о гордости, она попросила брата дать адрес Климова. Удивившись, Андрей выполнил ее просьбу.

Она надела любимое платье, накрасила губы и вышла из дома, так, как будто покидала их с Даниловым семейное гнездо навсегда.

На столе осталась чашка невыпитого чая...

...Желание увидеть его было столь нестерпимым, что она взяла такси. Волнуясь, назвала незнакомый адрес – Климов жил в новом спальном районе, который Полина совсем не знала. Проспекты, безликие дома. Машина остановилась у одного из них.

Его дверь... Сердце готово выпрыгнуть из груди, и мир падает на плечи... Она нажала на кнопку звонка.

Климов возник в проеме – загорелый, небритый, с голым торсом – и застыл, увидев ее. Наконец улыбнулся:

– Привет!

Молчание...

– Я могу войти?

Они сидели за столом друг против друга на солнечной кухне. Оба курили.

– Как ты живешь?

Он пожал плечами:

– Отлично!

– Тебя не было сто лет!

– Всего лишь год!

– Ты помнил меня?

– Да, Полина. – Он усмехнулся. – Я помнил тебя. У меня вообще хорошая память на лица.

Она подошла к окну, выглянула во двор.

– Ничего интересного, – пояснил Климов, – обычная городская окраина!

– Можно мне посмотреть, как ты живешь?

– Разумеется!

Она обошла небольшую уютную квартиру. С удивлением отметила:

– Надо же, бардака нет! Я думала, будет гораздо хуже.

– А почему ты ожидала увидеть бардак? Я довольно организован в этом смысле! Веду борьбу с хаосом! С переменным успехом, впрочем!

Он улыбался. Она тоже. Смущение первых минут прошло, оба приходили в себя и чувствовали радость.

– Ты голодна?

– Да!

– Придется подождать! Я сгоняю на рынок!

Он с готовностью кинулся к двери.

Полина крикнула ему вслед:

– Ты забыл надеть майку.

Он вернулся, натянул футболку.

– Я побежал!

– Никита! – Она вновь остановила его. – Не уходи так... Поцелуй меня!

Он взял ее за плечи, желая поцеловать, но Полина рассмеялась и увернулась.

– Иди!

– Опасные шутки!

Когда он ушел, Полина рассмотрела в квартире все, что можно, и даже что нельзя. Открыла шкаф. Не удержавшись, достала оттуда рубашку Никиты, вдохнула запах. Рубашка пахла табаком и свежим морским парфюмом.

Увидев на письменном столе свою фотографию в рамке, она улыбнулась – чудак, наверное, стащил в Березовке.

В ванной она заметила висящий на крючке белый шелковый халат, который явно принадлежал не Климову. Ругая себя, Полина заглянула в шкафчик – в одном из отделений лежали пачка презервативов и зубная щетка в упаковке. Она почувствовала боль. Ревность змеей ужалила в сердце. «А на что ты надеялась? Что он будет целый год лить слезы и ждать тебя?!»

Климов вернулся через полчаса. Принес баклажаны, сыр, вино и фрукты. Стал готовить ужин. Быстро, ловко. Она удивилась.

– Не устаю поражаться твоим талантам, Никита! Откуда ты такой взялся? И жнец, и на дуде, простите, игрец! Ты у нас и физик, и плейбой! Надо же, как все в одном человеке сошлось! Как говорится, таких – нет, не было, и не надо!

– Заметь – все это может достаться тебе!

Полина усмехнулась:

– Неужели?! А я вот все думаю – за что?

– Просто считай, что тебе повезло!

– Ясно. Буду считать. Кстати, как одинокая холостяцкая жизнь? Заходят ли дамы на огонек?

– Ты о чем? Я целиком принадлежу науке!

– Неужели?! А халатик в ванной?

– Уууу, барышня, – насмешливо протянул он. – Какая вы наблюдательная!

– Извини. Устроила у тебя небольшой шмон.

– Извиняю. Мне даже льстит, что тебя так интересует моя скромная персона.

Она вспыхнула:

– Ты еще смеешь шутить? Бабник!

– Я должен что-то сказать в свое оправдание?

– Попробуй!

– Видишь ли, я все-таки мужчина, иначе говоря, примат с определенными физиологическими потребностями! Я нахожу секс довольно приятной штукой и не вижу в аскезе особого смысла, тем более что моя верность никому не нужна!

– И какие женщины сюда приходят?

– Что тебя интересует? Масть, социальный статус, параметры? Я не мальчик, Полина, и в жизни знал многих Камелий и Аспазий, но при этом согласен с классиком: наслаждаться ими иногда можно, но говорить о них решительно нечего!

– Боже! Какой цинизм! И потребительское отношение к женщине!

– Перестань! Женщины, проходящие сюда, знают правила игры и с ними согласны.

– А я?

Ей было так больно, что она задвинула понятия о гордости куда подальше.

– Ты – это другое! – спокойно ответил Климов.

– Тогда можно я сделаю то, что мне хочется?

– Все, что угодно!

Она метнулась в ванную, вернулась на кухню и распахнула окно. В него полетели халат и презервативы.

Климов рассмеялся:

– Ты против безопасного секса?

– Поцелуй меня! – вдруг сказала она.

– Снова шутишь?

Она сама подошла к нему, потянулась к его губам. В последний момент резко отстранилась и хрипло расхохоталась ему в лицо.

– Какая же ты сука, Полина! – качая головой, сказал он. Как будто даже одобчительно.

Она от души залепила ему пощечину.

– Полагаю, теперь самое время мирно поужинать!

...Вино оказалось прекрасным и терпким, еда, приготовленная Климовым, вкусной, однако уже через пять минут они забыли об ужине и плавно переместились в комнату, прихватив бутылку с собой. Никита с бокалом расположился в кресле. Полина, недолго думая, уселась к любимому на колени. Они пили вино и страстно целовались. Потом Климов отнес ее в спальню, положил на кровать, раздел и... встретил бешеное сопротивление!

Полина сама от себя такого не ожидала – чем большим становилось ее возбуждение, тем больший протест против того, что неминуемо должно было произойти, она ощущала. Она отталкивала его руки, приговаривая с интонацией, едва не торжествующей:

– Этого не будет!

Климов буквально не мог с ней справиться – ничего себе сила и ярость!

...Он сел на край кровати и закурил.

– Ты меня совсем измучила! Настоящая фурия! Может, тебя изнасиловать? Сковородкой по голове и овладеть!

– Лучше дай сигарету!

...Затушив сигарету, она взглянула на часы.

– Уже поздно. Начало первого.

– Останешься?

– Нет, что ты... Не могу! Как я объясню Данилову?

– Тогда поехали, иначе до развода мостов не успеть.

– Ты сердишься на меня?

– Я люблю тебя и готов ждать... А теперь одевайся, нам пора!

Они вышли из дома, сели в стоявшую у парадного «девятку» Климова и поехали, но, несмотря на бешеную скорость, все-таки не успели – Троицкий мост уже развели.

– Ну вот, – сказал Никита, барабанив пальцами по рулю, – пожалуйста, развод мостов! Очень петербургская тема! Любимая отговорка неверных мужей!

– И жен! – усмехнулась Полина.

– Интересно, сколько детей в Петербурге родилось потому, что мосты разводят! Хе-хе!

– Это как?

– Так: опоздал домой, где-то заночевал, и привет! Вы – отец! Поехали обратно?

– Не хочу! Давай пройдемся? Сто лет не гуляла по ночному городу!

Они вышли из машины и побрели вдоль набережной.

– Тебя дома не потеряют?

– Спасибо за заботу! А что я могу сделать?

– Вон телефон-автомат, позвони домой!

Полина задумалась: ей не хотелось говорить с Даниловым. Ни за что на свете. Она набрала номер сестры.

– Таня, ты еще не спишь?

– Конечно, сплю! Что случилось?

– Ничего. Тебе Иван звонил?

– Нет.

– Если будет звонить, искать меня, скажи... что я у тебя и уже сплю, ладно?

– А на самом деле ты где?

– На Горьковской. Застряла у Троицкого моста.

– Ты одна?

Поколебавшись, Полина ответила:

– Нет.

– Передавай Никите привет! – сухо сказала Татьяна и повесила трубку.

Полина повернулась к Климову:

– Тебе привет!

– Как Татьяна догадалась, что ты со мной?

– Боюсь, она давно все поняла! Идем к Петровской набережной?

Они дошли до легендарного крейсера, постояли у мифических лягушек-львов. Город, прекрасный, непостижимый, плыл перед ними... Глядя на противоположный берег Невы, Полина вдруг подумала: есть какая-то символичность в том, что сегодня ночью сама судьба оставила ее здесь, на этом берегу, рядом с Климовым. Казалось, время остановилось, они навсегда застыли в нынешней ночи, а на другой берег, как и в прошлую жизнь, путь теперь закрыт. И когда Климов поцеловал ее, Полина отозвалась на этот поцелуй. Теперь она стала покорной и тихой. Оказывается, все просто – надо поверить своим чувствам, отдаться им...

– Климов, поклянись мне!

– В чем? И чем?

– Что ты больше никогда не трахнешь ни одну бабу.

Он шутливо схватился за голову:

– Какое византийское коварство брать с меня такие клятвы! Что за жестокость?!

– Поклянись!

– А если нарушу?

– Тогда пусть силы небесные тебя кастрируют!

– Вряд ли небесная епархия станет заниматься этим вопросом! – усмехнулся он. – Ну ладно! Торжественно клянусь, что с этой ночи ухожу из большого секса!

– И будешь хранить мне верность!

– Да!

Климов вновь привлек ее к себе, и в этом жесте было много нежности...

Ночь оказалась длинной, но и она закончилась. Ранним утром, обнявшись, влюбленные смотрели, как сводят мосты.

Они проехали через Троицкий мост и снова вышли из машины – ей захотелось оказаться на Дворцовой площади. Над городом плыл Ангел. Уличный музыкант играл на саксофоне. Полина продрогла, и Климов прижал ее к себе.

Они прошли эту ночь насквозь и вышли в солнечный рассвет, обещавший начало прекрасного дня и новой жизни.

В восемь утра Полина вернулась в свою квартиру на Фонтанке с твердым намерением рассказать мужу правду. Однако Данилова дома не было. Полина с тоской представила, как он мечется по улицам, ищет ее. Зашла на кухню, машинально выпила холодный вчерашний чай и вдруг услышала звук открываемой двери. Сердце стучало – ах, как это трудно и больно...

В дверном проеме возник виноватый Данилов.

– Привет! Не спишь? Извини, меня вчера попросили остаться на ночь в больнице, заменить дежурного врача. Звонить было поздно – не хотел тебя будить! Ты уже успела одеться? Куда-то уходишь?

Ситуация была мучительной и глупой, как в анекдоте.

– Мне сегодня надо пораньше на работу, – выдохнула она, поняв, что не сможет сказать ему правду.

Он улыбнулся:

– Смотри, какое чудесное утро!

– Да, Иван! – кивнула Полина.

* * *

Лена погладила кудрявую голову дочери. Трехлетняя Марина, которую в семье называли Мусей, наконец уснула. Лена присела на диван, вздохнула... За лето, проведенное в Березовке, она очень устала – от простуд дочери, почти столь же частых, как супружеские размолвки с Андреем, от присутствия чужих и непонятных ей людей. Увы, худшие опасения относительно будущих родственников, возникшие в самом начале знакомства, подтвердились. Она так и не стала для них своей, впрочем, как и они для нее. Ничего удивительного в этом, конечно, нет: слишком разные люди, может быть, даже другого биологического вида. Им бы разъехаться, в идеале совсем не общаться, но она пока не чувствует в себе сил, чтобы отважиться на столь радикальное решение. Андрей явно не поймет подобный поступок, как не способен понять, насколько ей тяжело быть «чужой среди чужих».

Она и сама не знает, что так раздражает ее в сестрах Андрея и кто воздвиг стену непонимания, возникшую между ними. Много раз Лена пыталась разрушить ее и всякий раз бесильно опускала руки. Они... другие. Отстраненность Полины Лена объясняет заносчивостью и высокомерием, доброту и уступчивость Татьяны – беспринципностью и бесхарактерностью, непосредственность Маши – откровенной наивностью, ограниченностью. Если бы не дочь, которой необходим свежий воздух и парное молоко, Лена бы здесь и дня не задержалась. Хватит – сыта по горло! Шум, гам с утра до ночи, нет покоя от бесконечных пустопорожних разговоров, и «друзья семьи» ей осточертели! Один громогласный Клюквин чего стоит! Бабка Зинаида почему-то считает своим долгом вмешиваться в их с Андреем дела, направо и налево раздает советы и поучения, хотя ее об этом никто не просит.

Хорошо бы продать дом! Он на Андрея записан, на эти деньги можно было бы купить достойную квартиру (надоело ютиться в панельной однушке на окраине!). Вполне справедливый раздел имущества: им с Андреем – дом, сестрам с бабушкой – огромная родительская квартира на Мойке. Разъехаться, встречаться по большим праздникам, и плевать она хотела на эту семейку, в которой все со «странностями» и придурью. Подумать только – Климов теперь числится у них в лучших друзьях! Надо быть идиотом, чтобы не понимать, зачем он сюда таскается столько лет! И все это знают, кроме несчастного роконосца Данилова, который тихо спивается. Знают, но делают вид, что ни о чем таком не догадываются, лицемеры! Андрей превратился в тряпку, сохнет над своими бумагами, словно за них платят деньги.

Ей надоело вечное безденежье. До жути. До просто «взять и повеситься». Стоит ей вспомнить об Андрее, как подступает раздражение. Лену злит его беспомощность, потертый плащ, обыкновение изъясняться высокими, возвышенными словами, а если честно – решительно все.

Она отправилась в соседнюю комнату, где за столом, обложившись тетрадами, сидел Андрей и по обыкновению что-то сосредоточенно писал.

Лена взглянула на него, заметила намечающуюся лысину и поняла, что волна раздражения сейчас обернется девятым валом. И пусть – самое время для решительной атаки.

– Андрей! Сегодня бабушка опять поила Мусю ужасными травами, которые приносит соседский старик. Хотя я просила этого не делать! У Муси жестокий диатез!

Андрей молчал, делая вид, что не слышит.

– Пойми, нам нужно жить отдельно! Зачем мы здесь?!

Перо в руках Андрея предательски дрожало.

Ей надоела эта игра, она крикнула:

– Что ты молчишь? С кем я разговариваю?

Он оторвался от записей, поднял голову.

– Ты же знаешь – завтра я должен отдать переводы Сомову.

Почему-то эта вполне безобидная фраза заставила ее взорваться окончательно.

– Тебе всегда некогда! Конечно, тебе до меня нет никакого дела! Зачем ты вообще женился?!

– Я читаю лекции в трех институтах, по ночам делаю переводы для Сомова. – Он изо всех сил старался быть спокойным. – Чего ты хочешь?

– Чего я хочу? Кого это интересует?! Переводы! Лучше скажи, какие гроши ты за них получаешь! – Она поняла, что ее несет и уже не остановиться. Пусть. – Блестящее будущее! Научная карьера! Ты неудачник. Да, мой дорогой, самый обыкновенный неудачник.

Андрей снял очки и пробормотал:

– Лена, зачем? Что ты говоришь?

– Ты – лузер. И ничего не можешь! Как я устала!

Она закусила губу, чувствуя, что сейчас заплачет.

Андрей спросил каким-то тусклым голосом:

– Что мне, по-твоему, в коммерцию податься?

– Ну как же! В коммерцию! Ты слишком умный для этого и к тому же гордый. Спрашивается, кому нужна твоя светлая голова, если ты не можешь обеспечить семью! Даже Клюквин в своем киоске получает, наверное, куда больше.

– Прошу, замолчи!

– Сколько раз я говорила, что надо продать дом и купить нам нормальную квартиру! Ведь ты можешь это сделать, документы на дом оформлены на тебя.

В ее голосе зазвучали жалобные нотки, она помнила, что метод кнута необходимо сочетать с методом пряника.

– Пожалуйста! – добавила Лена просящим тоном маленького ребенка.

– Я не могу, извини! И потом девочки никогда не согласятся, – тихо, но твердо ответил он.

– Девочки! Почему ты никогда не думаешь о своей дочери?!

Андрей сжал в руках карандаш, стараясь не поддаваться на провокацию.

– Тонкая натура! Все вы тут тонкие натуры, непризнанные гении, загубленные дарования! Такие умные, честные, благородные! Меня просто тошнит от вас!

Она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

* * *

Андрей ходил по кругу и мерил комнату шагами. Истерика жены оказалась последней каплей. В чаше с ядом. Вот он выпил его и почувствовал, как внутри разливается смертельная усталость. Усталость хроническая, изматывающая. По ночам – переводы. Днем – разезды по городу: институты, как на грех, расположены в разных его концах, и Андрею все время приходится бежать, чтобы успеть. «Беги, кролик, беги»... Он усмехнулся, вспомнив одноименный роман.

Кто он, Андрей Басманов, печальный человек в старомодном плаще, с намечающейся лысиной? Проволочный кролик, которого дергают за проволочку как хотят. И бежит он читать лекции в одном институте, в другом, делает переводы для Сомова; бег по кругу, разомкнуть который невозможно. А внутри круга время идет фантастически быстро. Излюбленный сюжет сказок: путник заблудился, прилег отдохнуть в каком-нибудь очень странном месте, проснулся через час, вернулся наконец в свой город и ничего не узнает! Город стал другим, дома, улицы, люди – все другое. Оказывается, пока путник спал, прошло сто лет. Вот и он словно застыл в безвременье. А может, от времени заслонился руками? Бывает, на миг очнется и с ужасом отметит: прошло еще столько-то лет. Последние годы он исповедует принцип страуса – личное изобретение Андрея Басманова, собственная философская система для внутреннего пользования. Принцип нехитрый: закрываешь голову руками – весь мир в себе, иногда высовываешь башку, чтобы оглядеться, а испугавшись, тут же прячешь.

Он никак не может понять, куда все уходит?! Былой трепет, нежность? Отчего накал чувств стихает? (А ведь когда-то жарило, как в домне! Горело так, что можно было спалить город!) Почему температура отношений снижается и после года супружеской жизни застывает на скучной нормальной отметке 36,6?! Когда его семейная жизнь дала трещину, как вообще началось то, отчего он сейчас прячется?

Андрей был удивительно счастлив в первый год супружества – не сводил с жены глаз, любясь ее красотой, шептал ей восторженные стихи и думал, самонадеянный идиот, что она тоже любит его. А потом Лена вдруг стала нервной и раздражительной. Андрея удивляла ее способность устроить сцену из совершенного пустяка. Сначала он находил это забавным и даже пикантным, говорил, смеясь, что Еленочка, как истинная француженка, из ничего умеет сделать шляпку, салат и скандал. За ссорой обычно следовало бурное примирение и какой-нибудь горячий сексуальный эпизод, что придавало остроты их отношениям – «милые бранятся – только тешатся!». А после особенно сокрушительной сцены Лена делалась тихой, молчаливой, виноватой и нежной. Но после рождения дочери все изменилось. Милые капризы Лены превратились в затяжные истерики, которые его удивляли и печалили. Она часто закатывала глаза кверху и вопрошала то ли небо, то ли Андрея: «Неужели сраные пеленки – то, о чем я мечтала когда-то?!» Андрей терялся, бежал стирать пеленки, убеждал ее, что это временные трудности, но Лена как-то не спешила выходить из полюбившегося образа молодой прекрасной женщины, бесовски принесенной в жертву мужу-тирану. Его отчаянные попытки понять томления жены пресекались презрительным: «Ах, оставь, ты не поймешь!» В последний год он смирился, придя к выводу, что истерики Лены иррациональны и, раз предвидеть или предотвратить их нельзя, к ним надо относиться как к неизбежному стихийному явлению: попросту пережидать, как грозу или ураган.

Нет, однажды он попытался поставить ее на место, сказав, что нервы, Леночка, бывают от распущенности и дурного воспитания! Но его попытка образумить жену оказалась неудачной (уж лучше бы и не пытался), потому что в ответ она зарыдала с утроенной силой, заперлась в спальне и наглоталась снотворного. Ужасная история. Он не любит об этом вспоминать. Когда Лене промывали желудок два врача «Скорой помощи», Андрей дал себе слово впредь

не ввязываться в семейные сцены. Потому что пошло. А главное – бессмысленно. Ибо тогда Андрей уже догадывался о главном (хотя все еще боялся озвучить это даже себе самому) – она не любит его.

Говорят, что Чехов советовал брату написать роман о том, как двое любили друг друга, поженились и всю жизнь потом были несчастливы. Да... В их случае выходит несколько иначе. Любил он один, а несчастливы оба.

Глава 2

– Танюша! – раздался в трубке голос Гришина. – Вечером у нас праздник!

Татьяна удивилась: с чего бы? Сегодня будний день, к тому же среда, а они встречаются по вторникам и четвергам.

– Неужели ты забыла? Годовщина нашего знакомства!

– Надо же... Как трогательно, что ты помнишь!

– В семь часов жду тебя в нашем ресторане!

Положив трубку, она прикинула, что заехать домой переодеться не успеет.

– Мышка, я сегодня уйду пораньше. У меня встреча!

Младший редактор Люда Мышкина посмотрела на Татьяну с завистью, как будто знала, о какой встрече идет речь.

– Счастливая вы, Татьяна!

– Почему ты так считаешь?

– Ну как же! Рядом с вами такой мужчина!

Ей стало неловко: Люда испытывает странный интерес к ее отношениям с Гришиным и непоколебимо уверена в том, что старшая коллега очень счастливая женщина. Хотя Татьяне непонятно, что может знать о женском счастье Людочка в свои двадцать три года? Кстати, когда Татьяна познакомилась с Гришиным, ей было примерно столько же.

...Это произошло в ту пору, когда Олег был начинающим, никому не известным литератором, смиренно обивающим пороги издательств в надежде опубликовать истории о майоре Глухове. Татьяна в то время только что устроилась в издательство на работу, и именно к ней попали творения Гришина. Когда было принято решение об их публикации, Татьяне поручили редактировать эти опусы.

Олег произвел на нее сильное впечатление в первую же встречу. Приятное лицо, широкие плечи, дорогой костюм, манеры и обходительность – чистая засада для барышни! В каком-то смысле она понимает Люду Мышкину – сама не смогла устоять перед обаянием и напором Гришина.

– За тебя! За эти девять лет! Между прочим, ты принесла мне удачу. – Он поднял бокал с дорогим вином.

Олег вообще любит все дорогое: рестораны, вина, брендовую одежду. Вот и сейчас он со вкусом и дорого одет и ресторан выбрал соответствующий... «Не какой-нибудь кабак из дешевых!»

– Помнишь то время, Танечка?

Еще бы она не помнила!

...Татьяна занялась редактурой. Роман Олега надо было подготовить за месяц, и, когда Гришин предложил работать по вечерам, она согласилась. Они встретились в пустовавшей квартире его приятеля и начали работу над серией о майоре Глухове. В первый же вечер Олег признался, что Татьяна ему нравится. Она смутилась и перевела разговор, указав на очередные ляпы в тексте, но Гришин оказался настойчивым, да и свои стилистические погрешности считал менее важными, нежели внимание младшего редактора. Однако грехопадения не случилось – Татьяна строго попросила, чтобы до окончания работы Олег забыл обо всем личном.

Вскоре серию подписали в печать. На радостях Гришин пригласил Татьяну в ресторан. Оттуда они возвратились веселые и пьяные. Почему-то в ту же самую квартиру, где трудились над книгой. Кстати, из мебели там был только стол, на котором лежали рукописи Гришина. Олег открыл бутылку дорогого шампанского и, многозначительно подмигнув, произнес тост:

– За нас!

А потом поступил так, как, вероятно, поступил бы в отношении понравившейся ему женщины литературный персонаж майор Глухов – взял Татьяну на руки и... Не успев опомниться, барышня оказалась лежащей на столе и прямо на листах бессмертного творения о майоре Глухове лишилась девственности. От произошедшей близости у нее осталось чувство стыда и неловкости. У Гришина – удивление. Он в самом деле был озадачен: все-таки девушке двадцать три года. Девственность в таком возрасте, при том что девица безусловная красавица, удивляет. Гришин прямо спросил, в чем причина. Татьяна, грустно усмехнувшись, объяснила, что после смерти родителей заботы о младшей сестре легли на нее. «Некогда было амуры крутить, понимаешь?» Он расплылся в улыбке: «Значит, мне повезло!»

Гришин ухаживал красиво: розы дарил корзинами, шампанское покупал непременно французское, приглашал исключительно в дорогие рестораны. Щедро тратил на нее первые писательские гонорары. Опять же старался удовлетворять культурные запросы профессорской дочки: театры, филармонии, модные выставки. Татьяна переживала свой первый настоящий роман. Вскоре Олег резко пошел в гору. Его остросюжетные боевики оказались востребованы, и за экшен по Гришину стали неплохо платить. Собственной популярностью Олег чрезвычайно гордился и мнил себя одаренным автором. Иногда Татьяне хотелось сказать Гришину, что его потенциал далек от его литературной судьбы, но... Из деликатности она молчала, хотя и не могла воспринимать творчество Олега всерьез. Брутальный и недалекий майор Глухов, этакий Бонд отечественного разлива, постоянно мчался кого-то спасать, кого-то по ходу дела убивал, соблазнял красоток направо и налево, причем все они, как на подбор, были голубоглазыми блондинками, как Татьяна.

– Задумалась? – к действительности ее вернул голос Олега.

– Да, нахлынули воспоминания!

– Славные были времена! Нищета, молодость. – Он усмехнулся. – Чего-то мне все хотелось...

– А сейчас? Хочется чего-нибудь?

Гришин задумался.

– Черт его знает... Вроде все есть... Разве что международных контрактов!

– А перемен?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Олег настороженным тоном.

Татьяна вздохнула – она задала вопрос без всякой задней мысли, отнюдь не намекая на его супружеские узы.

– Психологи советуют менять что-то каждые семь лет: род деятельности, квартиру...

– Нет, что ты! Квартира у меня замечательная, мне вовсе не хочется ее менять, от добра добра не ищут! А работа... Где еще я смогу столько заколачивать? Пока старик Глухов меня кормит, какой смысл дергаться? А потом, ты знаешь, я вообще боюсь перемен!

Она усмехнулась – конечно, знает.

– Я бы, разумеется, хотел, чтобы все было по-другому. Если б не моя жена... Ты же знаешь, Танюша, я бы женился на тебе.

– Перестань! – ей были неприятны эти слова. – Ты оправдываешься, как будто я тебя в чем-то упрекаю!

На самом деле она никогда его ни в чем не обвиняла, даже тогда, когда через полгода любовной связи узнала о существовании жены Олега. Этот факт как-то вдруг выплыл наружу, и Гришин удивился, отчего Татьяна придала ему такое значение. «А какое это имеет отношение к нам?» – удивленно спросил он. Нет, Татьяна его не обвиняла, просто решила разорвать их связь. Полгода они не встречались. А потом Олег сказал, что разводится. Он и по сей день разводится.

– Ты идеальная женщина! – Он снова поднял бокал. – За тебя!

Вскоре Олег предложил уйти из ресторана. Они вышли, сели в машину и поехали в съемную квартиру.

...В спальне Гришин вручил ей подарок – цепочку с бриллиантовой подвеской. Утром, рассматривая бриллиант, Татьяна увидела, что он приличных размеров и явно дорогой, но радости не почувствовала.

* * *

Маша сидела в своей квартире на Мойке в полном одиночестве. Татьяна еще утром взяла в издательстве отгул и уехала в Березовку. Перед Машей лежали страницы текста из пьесы, которую она готовила для завтрашнего прочтения в театре. Текст запоминался с большим трудом – она то и дело отвлекалась, разглядывая в окно Мойку, по которой плыли катера с развеселыми туристами.

Раздался телефонный звонок, и девушка услышала любимый голос.

– Маруська, привет!

Она, как заправская актриса, тут же придала голосу томности и сексуальности. Ответила Бушуеву чуть с придыханием:

– Да, Саша!

– Идем гулять!

– Не могу! У меня завтра важный день! Пробы в театре!

– Ну начинается! – недовольно вздохнул Саша. – Я надеялся, что, когда ты закончишь этот дурацкий институт с постоянными вечерними репетициями, мы будем проводить вместе куда больше времени!

Маша чувствовала себя виноватой – в последнее время они действительно редко виделись.

– Ты же знаешь, я скоро уезжаю!

В конце лета Бушуев собирался в Москву поступать в Литературный институт.

– Извини, мне надо выучить еще две страницы текста!

Он холодно отрезал:

– Ну как знаешь! Желаю творческих успехов!

Маша с тоской посмотрела в окно – лето, солнце, счастье!

– Ладно! Пусть идет все к чертям! Где встретимся?

...Они сидели в кафе на набережной и пили шампанское.

Саша подмигнул ей:

– Выпьем за тебя! Кстати, что за пробы?

Маша всплеснула руками:

– Очень важные! Понимаешь, мне после института надо где-то закрепиться, а этот театр – предел мечтаний! Сашка, ты не представляешь, как я хочу поступить туда! Там такая школа! А режиссер просто гений! Завтра иду к нему на кастинг, боюсь, мама дорогая! Говорят, он просто зверь! Я уже целую неделю готовлюсь и репетирую!

– Значит, сегодня отдохнешь!

– Только к полуночи мне надо вернуться, чтобы выспаться!

– Успеешь! Маруська, неужели ты хотя бы один вечер не можешь принадлежать мне целиком и полностью?! Тем более что я скоро уезжаю!

Вспомнив об этом, она опечалилась.

– Так жалко тебя отпускать! Но я понимаю – у тебя талант, надо его развивать, учиться!

– Не знаю, Маруся! Может, вообще задвинуть эту литературу к такой-то матери?

– Да ты что? С ума сошел?

– А что... – Он усмехнулся. – На поэтические гонорары не больно-то проживешь! А поженимся, как жить? Сколько ты в своем театре будешь получать?

– Копейки!

– Вот видишь!

– Но мы пока не женимся!

– В ближайшее время я поставлю вопрос ребром! Хватит жить порознь!

– Разве нам сейчас плохо?

– Хорошо, Маруся, кто спорит... Очень мило: прогулки, шампанское, веселые выходки, секс по тридцать шесть часов кряду, но... – Он замолчал.

– О чем ты?

Маша дотронулась до его руки.

– Но ведь есть что-то еще: ответственность друг за друга, необходимость в постоянном присутствии любимого человека.

– И скучные серые будни?!

– Мне кажется, этого мы можем не опасаться! Чего ты боишься? Быта?

– Неужели варить супы и стирать носки весело?

– А разве наша жизнь состоит сплошь из веселых вещей? И вообще... Носки я сам себе стираю! При чем здесь это? Ах, Маша, ты еще такая маленькая!

– Окончишь институт, вернешься из Москвы, и поженимся!

– А все-таки, может, ну их, эти творческие амбиции, к лешему? Пойду к Козликову в рекламное агентство, он меня зовет. Монеты нормальные, и ехать никуда не надо!

– Вот пусть Козликов и считает монеты! А ты гений! У тебя особый путь! Ты вообще будущий Введенский! Кстати, завтра я читаю его стихи, вот послушай!

Маша с чувством начала... Над Невой летели строчки, в которых некто «забыл существование слов, зверей, воды и звезд». Когда она закончила, раздался аплодисменты. За соседним столиком ей хлопали пожилые интуристы. Маша улыбнулась им в ответ.

– Поэзия Введенского – это космос! Знаешь, я часто размышляю над его словами «но кругом быть может Бог!». Вот смотри: солнце отражается в Неве – это Бог, Он в твоих волосах, вон собака смешная бежит – и это Он...

Влюбленные брели вдоль набережной, взявшись за руки. На подходе к Дворцовой площади к ним подошел явно нетрезвый человек невнятной наружности и обратился к Бушуеву: «Простите, я хочу нарисовать вашу даму. Редкая фактура!» Уличный художник кивнул на стоявший неподалеку мольберт.

– Я согласна! – быстро сказала Маша.

Бушуев потянул ее за рукав, но она уже устремилась вслед за странным художником. Тот страшно обрадовался, достал кисти. Усадив девушку, принялся рисовать. Саша примостился рядом, наблюдая за Машей. В глазах девушки отражался его любимый город, на который он хотел смотреть только ее глазами.

Она разглядывала Дворцовую площадь в лучах заходящего солнца. Ах, если бы на портрете можно было передать ее счастье! В этот момент она была невероятно, фантастически счастлива, застыла в счастье, как муха в янтаре. Навечно. Портрет вышел довольно странным, но очень понравился Маше. Она даже в ладоши захлопала. Как будто про нее угадали что-то важное... Художник расцвел, галантно поцеловал ей руку.

У Александрийской колонны Бушуев еще раз взглянул на портрет и покачал головой:

– Ну ты даешь! Чувак был совсем пьяный!

– Мне стало жаль его, видно, что человеку нужны деньги. Но портрет, согласись, замечательный!

– Ты совсем не похожа на себя!

– А мне кажется, очень похожа! Такое чистое впечатление, по настроению – это я! Глаза мечтательные, в башке стихи Введенского!

Он улыбнулся:

– Маруся! Ты совершенно невозможна!

– Какой прекрасный вечер! Хорошо бы еще шампанского!

– Подожди здесь, я мигом!

Бушуев взял стремительный старт и через несколько минут вернулся с бутылкой и бумажными стаканами. Они выпили шампанское прямо на площади, быстро набирая градусы.

Вскоре Маша констатировала, глупо хихикая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.